БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Джек УИЛЬЯМСОН

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

Легион времени

Джек Уильямсон

Аннотация
Джек Уильямсон. Легион времени
Глава 1. Свидание на реке
Глава 2. Коридор времени
Глава 3. Ключи от Гирончи
Глава 4. Корабль мертвых
Глава 5. Искалеченный человек
Глава 6. Окно во времени
Глава 7. Командир легиона
Глава 8. Исчезновение Джонбара
Глава 9. Геодезические линии Гирончи
Глава 10. В цитадели Сорэйньи
Глава 11. За алмазным троном
Глава 12. Секрет кирпичика
Глава 13. Семя будущего
Глава 14. Поцелуй Сорэйньи
Глава 15. Серебряный цилиндр
Глава 16. Встреча с судьбой
Глава 17. Миры, которых никогда не было

Аннотация

У Земли 2 варианта будущего: Джонбар с со стройными серебристыми башнями, многоярусными магистралями и многочисленными парками и Гирончи с рабами-людьми. Какое из них осуществится, зависит от Денни Ланнинга, после смерти попавшего в Легион Времени.

Джек Уильямсон
Легион времени

Глава 1
Свидание на реке

Все началось — А для Денниса Лэннинга это

произошло у истоков его жизненного пути — тихим апрельским вечером 1927 года. В свои восемнадцать Лэннинг был стройным юношей с изящными чертами лица и вечно торчащими волосами соломенного цвета. На лице его часто играла застенчивая улыбка, но порой в серых глазах вспыхивал дух борьбы, и в худощавом жилистом теле чувствовалась неожиданная сила.

И начало приключения было столь же контрастным, как и главный герой, и этот контраст отпечатался на всей истории: сочетание будничности с непостижимостью.

Лэннинг, студент выпускного курса, делил жилье в Кембридже с троими старшекурсниками Гарвардского университета; они были на год-два постарше. Уилмот Мак-Лэн, математик, замкнутый сутулый молодой человек, был полностью погружен в науку. Второй, Лао Менг Шан, очень тихий сын мандарина Сычуани, державшийся с неизменным достоинством, оказался страстным поклонником современных достижений инженерии. Оба они являлись хорошими друзьями и славными ребятами. Но третий был все-таки немного ближе Лэннингу, и звали его Барри Халлоран.

Здоровенный огненно-рыжий полузащитник

«Олл Американ» Барри был настоящим бойцом. Некий мощный мятежный дух объединял их с Лэннингом. В ту весну небо просто манило совершать подвиги, и они начали учиться летному делу в аэропорту Ист-Бостон.

Однако в тот сонный воскресный вечер все трое соседей и друзей Денниса отсутствовали. В доме стояла тишина, и Лэннинг сидел один в своей комнате, почитывая тонкую книжицу в сером переплете. То был первый научный труд Уилмота Мак-Лэна, только что опубликованный на собственные деньги автора. Книга называлась «Реальность и изменение», и на ней была надпись: «Денни от Уила — петля во времени».

Такая математика была Лэннингу в новинку. Он сидел, откинувшись в кресле, прикрыв усталые глаза, пытаясь сформировать четкую картину, которая никак не хотела вырисовываться из туманного нагромождения символов. Мак-Лэн привел в качестве цитаты известное высказывание Минковского: «Пространство и время сами по себе постепенно уходят в мир теней, и лишь правильное сочетание того и другого сохраняет независимое существование». Тогда, если время — всего лишь еще одно измерение Вселенной, можно ли считать завтрашний день столь

же реальным, как вчерашний? Если возможно совершить прыжок вперед по временной оси…»

— Денни Лэннинг!

Какой-то голос назвал его по имени. Выпустив книгу из рук, он выпрямился в кресле. Рассеянно заморгал и сглотнул комок в горле; по спине пробежали мурашки. Дверь была по-прежнему закрыта, не слышно ни звука. Но перед ним на ковре вдруг очутилась неизвестная особа женского пола.

Девушка… и к тому же прекрасная!

Простое белое платье спускалось до пола. Волосы блестящего медно-красного оттенка украшал обруч, сверкающий ослепительно-голубым светом. Выражение прекрасного лица казалось строгим, почти жестким, и эта жесткость скрывала, как почувствовал Лэннинг, сильную муку.

Перед собой она держала в маленькой руке некий предмет, формой и размером напоминающий футбольный мяч, от которого шло глубокое сияние, как от невероятной величины алмаза.

Ее широко распахнутые глаза остановились на Лэннинге. Они были фиолетового цвета. Что-то в их глубине — мечущийся ужас, безнадежность и страх — вызвали в юноше острую жалость к посетительнице. Затем его вновь охватило сильное

удивление; он даже вскочил.

— Привет! — выпалил он. — Да, я Денни Лэннинг. Но кто ты? — Он обернулся, кинув на закрытую дверь: — И как сумела попасть сюда?

Легкая улыбка тронула точеные черты ее белого лица.

— Я — Летони, — ее голос обладал странной певучестью, словно мелодия, исполняемая на неведомом инструменте. — И я на самом деле нахожусь не в твоей комнате, а в своем городе под названием Джонбар. Наша встреча происходит лишь в твоем сознании, при помощи вот этого предмета. — Ее взгляд упал на огромный драгоценный камень. — И именно благодаря твоему изучению теории времени я смогла достичь твоего сознания.

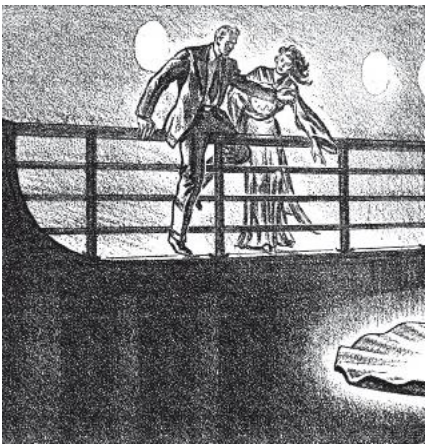
Разинув рот от удивления, Лэннинг переводил взгляд с ее юной изящной фигуры на струящиеся волосы цвета искрящейся меди, наслаждаясь ее красотой.

— Летони… — он попробовал имя гостьи на вкус. — Летони…

Сон или явь, девушка была просто само очарование.

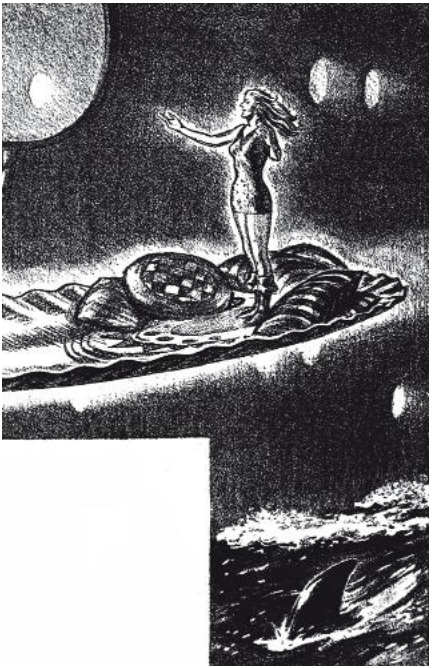
— Мне пришлось проделать долгий путь, чтобы найти тебя, Денни Лэннинг, — проговорила

она. — И я пересекла поток, что ужаснее самой смерти, дабы просить тебя о помощи.

Его охватило странное чувство: словно бросило в жар. Неверие в происходящее боролось в нем с робкой надеждой. В горле вдруг сдавило, и он не мог заговорить. Денни подошел к девушке, попытался коснуться ее тонкой обнаженной руки, держащей сверкающий предмет. Но… его трясущиеся пальцы сумели схватить лишь воздух!

— Я помогу тебе, Летони, — наконец, выдавил он. — Но как это сделать?

Ее звонкий серебристый голос понизился до еле слышного шепота. Огромные фиолетовые глаза, выделяющиеся на белом, как снег, лице, казалось, просматривали комнату насквозь.

— Судьба выбрала тебя, Денни Лэннинг. Судьба человеческой расы лежит на твоих плечах. Моя собственная жизнь в твоих руках, да и всего

Джонбара — тоже.

— Ох, — пробормотал Лэннинг. — Как же так? — Он озадаченно нахмурил лоб. — И где этот Джонбар?

Его благоговейный трепет усилился, когда девушка произнесла:

— Смотри вглубь кристалла времени, и я покажу тебе Джонбар.

Она подняла драгоценность обеими руками. Взгляд ее погрузился в кристалл. Он засиял ослепительными разноцветными лучами. Лучи преломлялись, играя на гранях камня. Дымка исчезла, и тогда он увидел его — Джонбар!

Изящные величавые колонны могли соперничать с небоскребами Манхэттена. Построенные из блестящего серебристого металла, они уходили в заоблачную высь, окруженные буйно зеленеющими парками и многоуровневыми магистралями. Над ними в воздухе парили огромные белые корабли каплевидной формы.

— Вот он, мой Джонбар, и я нахожусь в нем, — промолвила девушка мягким голосом. — А теперь позволь показать тебе, каким он может быть — Новый Джонбар, лежащий далеко за туманами будущего.

Яркое пламя поглотило картину города, затем

исчезло. И глазам Лэннинга предстал еще более удивительный мегаполис. Зеленые холмы все так же простирались до самого горизонта. Но башни стали выше, они просто терялись в поднебесье. Они сверкали чистыми мягкими переливами цвета, и леса служили прекрасной оправой для их драгоценного блеска. Город представлял собой прекраснейший образец творчества, он будто вышел из-под кисти гениального художника, и это впечатляло: просто дух замирал.

— Новый Джонбар, — благоговейно прошептала девушка. — Живущие в нем носят название динон.

В небе все еще оставалось немного кораблей. Но Лэннинг увидел небольшие фигуры, закутанные в плащи из чего-то, напоминающего яркое пламя, отрывающиеся от высоких крыш и террас и парящие над парками, хотя и без крыльев, олицетворяя собой свободу.

— Они летят благодаря своей адаптации к динат, — девушка опустила кристалл, что держала в руках. — Это понятие, означающее почти бессмертие. Они подобны богам! Самая совершенная из рас.

Вырвавшееся пламя уничтожило картинку. Девушка опустила кристалл. Лэннинг отступил

назад. Невидящим взглядом он уставился на лампу для чтения, книги, кресло за спиной. Реальность придала ему уверенности, и он вернулся к чуду, показанному ему в кристалле.

— Летони, — он даже затаил дыхание. — Скажи мне, реальна ты или нет.

— Так же реальна, как и Джонбар, — ее голос звучал приглушенно и серьезно. — Ты отвечаешь за нашу судьбу, и от тебя зависят наша жизнь или смерть. И эта истина уже запечатлена в скрижалях пространства и времени.

— Что… Что я могу сделать?

В ее глазах промелькнул благоговейный ужас.

— Я пока не знаю. В постоянно движущемся временном потоке все действия размыты и видны неотчетливо. Но ты можешь сражаться за Джонбар — если станешь это делать. Выиграть или погибнуть в итоге. Я пришла предупредить тебя о тех, кто ищет твоей гибели, а через тебя — и гибели моего мира.

В ее голосе, звучащем плавным речитативом, зазвучали тревожные ноты.

— Существует темная, непобедимая власть игран; и существует Гларат, служащий этому ужасу. И еще есть Сорэйнья, с бесчисленными ордами защищающих ее рабов.

Летони теперь выглядела почти сурово. Печаль заставила ее глаза потемнеть, в них вспыхивали искры ненависти.

— Она — величайшая из волшебниц. Сорэйнья, дева войны. Она — цветок зла из Гирончи. И ее необходимо уничтожить.

Ее голос упал почти до шепота, и, когда Летони взглянула на Лэннинга поверх гигантского кристалла, ее лицо озарили нежность и детская надежда.

— А иначе она уничтожит тебя, Денни.

Лэннинг долго не сводил с нее глаз. Наконец, преисполнившись внезапной решимости, он сказал:

— Что бы ни случилось, я желаю помочь, — если только смогу. Потому что хочу помочь тебе лично. Но что же, что я должен делать?

— Берегись Сорэйньи! — Ее голос вновь зазвенел, набрав силу, но затем стал тише: — Денни, обещай мне кое-что. Обещай не лететь завтра.

— Но я как раз собираюсь это сделать! — запротестовал Денни. — Макс — это наш инструктор — говорит, что мы с Барри сможем завтра сделать самостоятельный вылет, если повезет с погодой. Мне нельзя пропустить этот полет.

— Ты должен, — заявила Летони.

Лэннинг встретился с взглядом ее фиолетовых глаз. Странное, незнакомое чувство, казалось, растопило невидимый барьер между ними. Он заглянул ей в самое сердце — и нашел его прекрасным.

— Обещаю, — промолвил он. — Я не полечу.

— Спасибо, Денни, — она улыбнулась и дотронулась до его руки. — А теперь мне нужно идти.

— Нет! — тревога стеснила грудь Денни. — Я совсем не знаю, как мне быть. Где ты по-настоящему? И как найти тебя снова? Ты не можешь так уйти!

— Но я должна, — тень пала на ее лицо. — Ибо Сорэйнья может явиться сюда следом за мной. А если она обнаружит, что с тобой происходит кризис, то приложит все усилия, дабы забрать тебя с собой, а то и уничтожить. Я-то знаю Сорэйнью!

— Но… — Лэннинг растерялся. — Увижу ли я тебя снова?

— Твоя рука на колесе времени, а не моя, — сказала девушка.

— Но подожди! Я…

Но драгоценный камень в ее руках вновь взорвался тысячами и миллионами искр. Лэннинг даже отпрянул, ослепленный. И вот он уже один в комнате, и ответом ему — тишина.

Сон или явь? Вопрос не давал ему покоя. Могла ли девушка быть реальным человеком, явившимся из далекого будущего, преодолев грозный поток времени? Или он попросту спятил? Совершенно сбитый с толку, Денни заново открыл серую книжицу и перечитал параграф: «Для внешнего наблюдателя, одаренного чувством четырехмерности, наша Вселенная должна казаться законченной, неподвижной и абсолютно неизменной. Кривая времени для них не более чем стрелка субъективного циферблата; неуловимый луч сознания, освещающий человеческое переживание. Для любого абсолютного чувства события вчерашнего или завтрашнего дня суть тождественные друг другу внешние и неизменные события, подобные структуре самого космоса».

Но призрачная красота Летони стояла перед глазами, заслоняя текст. И как прикажете соотносить все это с ее сказкой о мирах, которые борются за выживание?

Он отложил книжку и сделал добрый глоток ирландского виски, принадлежащего Барри Халлорану, а потом отправился через Гарвардскую площадь, не видя, куда идет. Было уже совсем поздно, когда он лег в постель и, засыпая, видел

Летони.

На следующее утро Денни хотел рассказать обо всем Барри: ведь он ему как брат. Но потом решил, что этот рыжий только посмеется над ним — как он сам поднял бы на смех любого, кто удивил бы его подобной историей. А над своей мечтой Лэннинг не позволит смеяться никому, даже Барри.

Чувствуя себя не в своей тарелке из-за полного смешения надежды увидеть Летони вновь и страха, что все это — лишь иллюзия, Лэннинг пытался читать учебник, но вместо этого бесцельно прогуливался по комнате.

— Поторопись, парнишка! — прогудел бас Барри у него над ухом. — Никогда не думал, что ты будешь трястись от страха — Макс уверяет, у тебя нервы, как у ястреба. Я-то как раз из тех, кто зеленеет, когда машину потряхивает. Бросай все, пошли, поохотимся на воробьев!

Лэннинг поднялся было, чувствуя себя неуверенно, но тут зазвонил телефон. В тот год он зарабатывал кое-какие деньги, выполняя поручения для бостонской газеты; сейчас как раз звонил его редактор. Предстояла срочная командировка. Но, слушая голос редактора, он постоянно видел перед глазами трагические глаза Летони.

— О кей, шеф! — сказал он. — Увидимся на работе. Он повесил трубку и повернулся к Барри. — Извини, старина. Но дело прежде всего. Скажи Максу, я буду завтра. И — счастливой посадки, дружище!

— Вот несчастье, парнишка.

Верзила усмехнулся, хрустнул пальцами и легким шагом выскочил из комнаты.

Спустя всего четыре часа Лэннинг прочел в собственной газете, что Барри Халлоран погиб. Учебный самолет потерял управление на высоте в две тысячи футов над Бостонской гаванью и рухнул в канал реки Чарльза. Части развалившегося самолета выловили крючьями, но тело так и не смогли обнаружить.

Лэннинг прикрыл глаза: черные буквы так и плясали перед ними. Он чувствовал неописуемый ужас и боль потери. Ибо Летони спасла его жизнь, но — и он понимал это — ценой жизни Барри Халлорана.

Глава 2
Коридор времени

Лэннинг не ощущал никакой благодарности за предостережение, спасшее ему жизнь, скорее горькое сожаление, болезненное чувство вины за смерть Барри. Но возмущения в адрес Летони не было также: произошедшая трагедия лишь доказывала истинность ее существования. В хрупкой трепетной красоте девушки не могло быть никакого зла.

Сильное возбуждение не отпускало Лэннинга на протяжении нескольких дней, его печаль была безмерной. Он очень надеялся, что она может вернуться — память о ней растравляла рану его одиночества, которая никак не хотела затягиваться. Даже ее таинственное предостережение и ожидание непонятной угрозы придавали жизни пряный привкус.

Но жизнь текла своим чередом, и после погребальной церемонии, проведенной в отсутствие тела Барри, все шло по-прежнему, так, словно Летони никогда не появлялась. Лао Менг Шан вернулся в Китай, готовясь принести свои познания

на службу отчизне. Уил Мак-Лэн уехал в Европу, где принял должность физика-теоретика.

А Лэннинг, в свою очередь, отплыл в Никарагуа, где американские военно-морские силы разрешали конфликт в Сакаса-Чаморро. Это была его первая заграничная командировка в качестве корреспондента газеты. Дядя Барри предложил ему работу в отделе рекламы. Но его переполняло сильное беспокойство, вызывая душевный конфликт, и он разрывался между сомнением и надеждой, изумлением и печалью, приправленными бесконечной горечью. Впереди, казалось, ничто не ждет, так что лучше разорвать старые привязанности, чтобы забыть обо всем.

И вот, на маленьком пароходике, перевозившем фрукты в Коринто, он впервые увидел ее — Сорэйнью! И был точно уверен, что не спит, что никогда не забудет этого и не сможет избежать странных сетей судьбы, что протянулись между пространством и временем и поймали его.

Бархатная ночь окутала тропические воды Тихого океана. Только что сменилась вахта, и палубы опустели. Лэннинг, единственный пассажир, склонился над бортиком на носу судна, рассматривая фосфоресцирующий молочно-белый свет над водой.

Но сознание подбрасывало ему иную картину: кристалл времени Летони и ее стройную фигурку, стоящую перед ним. И вдруг его окликнули: голос, звеневший как колокольчик, звучал с каким-то притворством:

— Денни Лэннинг!

Его сердце замерло. Он быстро поднял взгляд — и надежда уступила место страшному разочарованию. Это была не Летони. Рядом с кораблем в воздухе парила длинная золотая раковина в форме огромной тарелки. Изнутри раковину устилали шелка, а среди них покоилась другая женщина.

Сорэйнъя — дева войны!

Он вновь услышал предостережение Летони. В раковине возлежала королева воинов, укутанная в сверкающую малиновую тунику из кольчужных колец, соблазнительно облегавшую ее тело. Рядом с ней лежал длинный узкий меч в драгоценных ножнах. Она положила рядом черный шлем с плюмажем из перьев; густая копна золотистых волос рассыпалась по ее сильным обнаженным плечам.

Изящные белые пальцы с кроваво-алыми ногтями коснулись рычагов управления ее странного летательного аппарата; вот он подлетел поближе

к кораблю. Приподнявшись на локте среди подушек, женщина глядела на Лэннинга с улыбкой. Глаза ее были удлиненной формы и сверкали изумрудным блеском. Губы на белом лице напоминали алую рану, изгибаясь сладострастно и зловеще.

Цветок зла — вспомнились слова Летони. Лэннинг буквально вцепился в поручень; он весь покрылся холодным потом. Словно во сне, его охватило мощное желание, и юноше с трудом удалось с ним справиться.

— Ты — Сорэйнья? — еле слышно спросил он. — Меня предостерегали против тебя.

Она резко села в своих шелках, как будто ее стегнули кнутом по бедрам. Зеленые глаза сузились, тело напряглось и стало еще соблазнительнее в сверкающей кольчуге. Алый рот превратился в тонкий шрам.

— Летони! — она словно выплюнула это имя. — Так, значит, эта джонбарская потаскуха нашла тебя!

Лэннинг вспыхнул от гнева, и пальцы его еще сильнее впились в поручни. Ему вспомнилась холодная вспышка ненависти в глазах Летони и ее суровые слова: «Сорэйнья должна быть уничтожена».

— Так ты сердишься, Денни Лэннинг? — даже ее смех был неискренним. — Сердишься, и из-за кого? Из-за жалкой тени. Ведь Летони — не более чем фантом, пытающийся обрести жизнь с помощью лжи и трюков — ценой других жизней. Ты, конечно, обнаружил это.

Лэннинг вздрогнул и облизал пересохшие губы.

— Это правда, — прошептал он. — Она накликала смерть Барри.

Алый шрам исчез с лица Сорэйньи. Она тряхнула прекрасной головой, и великолепная копна волос осыпала ее золотом. В глазах цвета морской волны заплясали зазывные огоньки, она улыбнулась.

— Летони — не более чем спектр возможностей, — она была сама учтивость, сама забота. — Летони — лишь крошечное пятнышко пыли, меньшее, чем тень на стене. Давай забудем о ней, Денни Лэннинг! Хорошо?

Лэннинг кивнул, и по его телу пробежала дрожь.

— Но я-то реальна, Денни, — ее обнаженные руки раскрылись, как для объятия. — И я пришла за тобой, чтобы забрать тебя в Гирончи. Это могущественная империя, более прекрасная, чем

бледный сон Джонбара. И я — ее хозяйка.

Она выпрямилась одним легким движением, высокая и царственная в малиново-алой кольчуге. Протянула руки, помогая Денни забраться в золотую раковину. А ее холодные зеленые глаза уже обещали бесконечные удовольствия…

— Пойдем, Денни Лэннинг. Будешь править со мной в Гирончи.

Лэннинг вцепился в поручни так, что щелкнули костяшки пальцев. Сердце его тяжело забилось, дыхание перехватило.

— Почему? — голос его прерывался, царапая слух. — Ради всех святых, почему ты явилась за мной?

Раковина приблизилась, и Сорэйнья улыбнулась:

— Я прочесала все время и пространство в поисках тебя, Денни Лэннинг. Ведь мы же с тобой — близнецы судьбы. И нам даны ключи всевластия. Вместе с тобой мы займем золотой трон Гирончи и будем править вечно! Идем!

Лэннинг едва переводил дух.

— Ну ладно, красавица, — выдавил он. — Не знаю, что за игру ты затеяла. Но — веди меня!

Он вскарабкался на борт судна, залитый лунным светом, и уже протянул руку навстречу

Сорэйнье.

— Денни… подожди! — раздался голос позади.

Лэннинг инстинктивно отпрянул назад и увидел Летони. Призрачная фигура в простом белом платье стояла рядом с бортом, держа в руках огромный кристалл. Лицо ее было искажено отчаянием.

— Вспомни, Денни! Сорэйнья уничтожит тебя.

Сорэйнья стояла, выпрямившись, как струна, в своей раковине, тело ее сверкало, манило, соблазняло. Зеленые глаза метали молнии гнева, как глаза разъяренной тигрицы. Белоснежные зубы стиснуты. Она прошипела незнакомое слово, словно выплюнув его в адрес Летони.

Летони задрожала, стала задыхаться. Лицо ее страшно побледнело, фиолетовые глаза вспыхнули. Одно лишь слово сорвалось с ее уст:

— Уходи!

Но Сорэйнья вновь повернулась к Лэнннингу, и медленная, ленивая улыбка стерла ненависть с ее лица. И вновь раскрылись ее объятия.

— Пойдем же со мной, Денни, — шептала она. — Пусть этот жалкий призрак вернется в свой мертвый город.

— Взгляни, Денни, — взмолилась Летони, кусая губы в последнем усилии. — Вот куда приглашает

тебя Сорэйнья.

Она показала в черноту тропических вод. И Лэннинг увидел, как в светящейся глубине мелькнул быстрый акулий плавник. Его охватил леденящий ужас, он быстро перелез через борт назад. Ибо пальцы Сорэйньи, за которые он пытался схватиться, растворились во тьме, и он обнаружил, что там ничего нет, кроме воздуха.

Он содрогнулся. Посмотрел на стоящую фигурку в белом. Увидел слезы в ее глазах, боль, исказившую прекрасные черты.

— Прости меня, Летони! — прошептал он. — Мне так жаль… так жаль…

— Но ты ведь собирался пойти, Денни! Пойти — с ней.

Золотая раковина вновь замаячила у борта корабля. Королева воинов, Сорэйнья, стояла, выпрямившись во весь рост, держа в руке золотой меч. Глаза ее горели безжалостным огнем.

— Лэннинг, в скрижалях времени записано, что быть нам врагами — или же быть одним целым, — ее голос звенел, словно ледяная сталь. — И Гирончи, защищаемому моими рабами и Гларатом вместе с тиран, нечего бояться с твоей стороны. Но Джонбар — беззащитен. Помни об этом!

Точеная нога, обутая в алую сандалию, сделала быстрое движение, коснувшись чего-то внутри раковины. И внезапно раковина исчезла, словно мимолетный образ на экране.

Лэннинг медленно обернулся к Летони. Лицо ее, под медными волосами, украшенными сапфировым убором, казалось помертвевшим.

— Пожалуйста, прости меня, — прошептал он.

Ни тени улыбки на ее серьезном лице.

— Сорэйнья прекрасна, — голос Летони стал совсем тихим, едва слышным. — Но если ты, Денни, когда-либо ей поддашься, Джонбару придет конец — и мне тоже.

Лэннинг удивленно покачал головой, озадаченный холодностью ее тона.

— Но почему? Я не понимаю.

Широко раскрытые фиолетовые глаза Летони встретились с его глазами. Губы ее задрожали, как будто девушка сдерживала слезы. Но голос, когда она заговорила, был по-прежнему спокоен.

— Постараюсь объяснить тебе, Денни, — ее лицо освещалось сиянием кристалла. — Мир представляет собой длинный коридор, от начала существования до самого конца. События представляют собой скульптурные группы в бесконечном узоре, высеченном на стенах. А время

— это лампада, которую проносят через анфиладу залов, дабы освещать эти группы, постепенно, одну за другой. Это свет осознания, субъективная реальность мышления.

Снова и снова коридор разветвляется, чтобы вместить большее количество музейных экспонатов. Носитель лампады может выбрать один поворот, а может — другой. И всегда те залы, которые можно осветить реальностью, навеки остаются в темноте.

Джонбар, мой мир — один из возможных путей. К нему примыкают великолепные залы, яркие перспективы. Гирончи — совсем иной. Это уродливый путь, и подходы к нему уродливые, а в конце — лишь смерть и тупик.

Широко открытые глаза Летони смотрели на юношу, и кристалл в ее руках вспыхивал ярким пламенем.

— Ты, Денни Лэннинг, избран для этой миссии — некоторое время нести лампаду. Выбор реальности за тобой. Ни я, ни Сорэйнья не вправе прийти к тебе в физическом теле — разве что в момент твоей смерти. Но зато обе мы, до некоторой степени управляющие временем, можем обращаться к тебе и просить нести лампаду в один из залов. Денни…

Серебристый голосок прервался от нахлынувших чувств.

— Денни, хорошенько подумай, прежде чем сделаешь выбор. Ибо от твоего выбора зависит жизнь одного из вероятных миров. А другой останется в темноте и никогда не будет рожден.

Лэннинг ощутил ком в горле. Он смотрел на Летони, стройную, прекрасную, само совершенство, озаренную светом кристалла.

— Не сомневайся — больше такое не повторится, — прошептал он. — Потому что я люблю тебя, Летони. Ты только скажи мне, что я должен сделать. И еще скажи мне, смогу ли я когда-нибудь прийти к тебе.

Она покачала головой, и сапфировый убор засветился.

— Твоя жизнь еще не подошла к моменту выбора, — медленно произнесла она. — Это событие скрыто в тумане неопределенности.

Денни снова попытался дотронуться до ее руки — и безуспешно.

— Просто помни обо мне, Денни, — едва выдохнула она. — Помни, что я сказала тебе. Ведь Сорэйнья прекрасна, а Гларат обладает властью над тиран. Остерегайся Гирончи. И час придет. Прощай.

Ее взгляд сосредоточился на кристалле, пальцы перебирали его яркие грани. Из камня вылетел ослепительный сноп искр, и девушку поглотило пламя. Она исчезла.

Лэннинг вцепился в поручни, ощущая сильную слабость и опустошенность. Он посмотрел на воду и заметил акулий плавник: хищница все еще сопровождала корабль.

Глава 3
Ключи от Гирончи

Жизнь его была сумеречным коридором, а настоящее — лампадой, которую он несет. Деннис Лэннинг никогда не забывал об этом образе, примененном Летони. Он тщился отыскать ее снова, за темным поворотом. Но тянулись коридоры лет, и судьба не дарила ему желанной встречи.

Не мог Деннис забыть и Сорэйнью. Несмотря на отвращение, вызываемое в нем исходящим от нее злом, несмотря на предостережение Летони, временами он обнаруживал, что мечтает о королеве воинов в сиянии малиново-алой кольчуги. И невольно преклонялся перед таинственной колыбелью опасности Гирончи с пылкостью, граничащей с благоговением.

Зал, по которому он шел, был коридором войны. Старая ненависть к любой несправедливости всегда заставляла его восставать против права сильнейшего. Военный корреспондент, летный инструктор, пилот, военный адвокат, он брался за безнадежные дела на всех четырех континентах.

Когда другое оружие не действовало, он сра-

жался при помощи слов. Однажды, ожидая, пока доктора из Вены излечат его пищеварительный тракт от засевшей в нем африканской амебы, он написал утопический роман под название «Дорога к рассвету», в котором обрисовал мир, как он должен выглядеть.

И опять же, в военной тюрьме диктатора, чьи военные приготовления он разоблачил, Деннис написал историческую автобиографию в распространенном среди журналистов стиле, и в ней попытался рассказать: мир находится на грани конфликта между демократической цивилизацией и деспотическим абсолютизмом.

На протяжении всех этих лет он не получал даже весточки от Летони. Но однажды на поле военный действий народной армии Эфиопии он проснулся в своей палатке, услышав тихий голос, проникающий в сознание:

— Денни, вставай и выходи из палатки.

Он поспешно оделся и вышел на равнину, овеваемую колючими ветрами заката. Пару минут спустя в палатку попала итальянская бомба.

Однажды появилась и Сорэйнья.

Это случилось в Мадриде, на следующий год. Он отправился туда, чтобы присоединиться к обороняющимся лоялистам. Деннис сидел один

за маленьким столиком в номере отеля, чистил и собирал автомат. Вдруг по телу прошла дрожь, он решил было, что начинается давно забытый приступ малярии, от которой он страдал в Чако и во время Войны в джунглях. Деннис поднял глаза, и увидел рядом легкую золотую раковину, зависшую над полом.

Сорэйнья, все в той же блестящей малиново-алой кольчуге, выглядящая так, будто они расстались пять минут назад и не было этих девяти лет, возлежала на шелковых покрывалах. Обнаженная рука откинула золото волос с лица, зеленые глаза улыбались язвительно и дерзко.

— Ну что ж, Денни Лэннинг, твоя призрачная подруга из Джонбара хорошо позаботилась о тебе все эти годы, — ее голос звучал хрипловато, она словно нарочно растягивала слова, изучая его реакцию. — Но принесла ли она тебе счастье?

Лэннинг словно врос в кресло. Он залился краской, нервно сглотнул. От ее белозубой улыбки перехватило дыхание.

— Я все еще правительница Гирончи, — голос королевы воинов был словно пьянящий нектар. — И ключи судьбы по-прежнему в наших руках, нам остается лишь повернуть их в замке.

И ее тонкий белоснежный палец с кроваво-

алым ногтем указал на шелковую подушку рядом с ней.

— Я пришла снова, Денни, чтобы забрать тебя с собой на трон Гирончи. Я дали тебе половину империи, а также себя и все остальное. Как тебе такое, Денни?

Лэннинг пытался перевести дух.

— Не забывай, Сорэйнья, я видел акулу, — наконец, вымолвил он.

Женщина запрокинула голову, и золото ее волос водопадом обрушилось на шелковое сиденье. А от завлекающей улыбки Лэннинга охватил жар.

— Акула убила бы тебя, Денни. Но пора тебе знать, что только смерть может привести тебя ко мне — и к новой, мощной жизни, даруемой гиран. Ибо наши жизни далеко отстоят друг от друга, разделенные потоком времени. И даже всей силы гиран недостаточно, чтобы вырвать тебя из твоего временного потока живым — ведь тогда непоправимо нарушится весь поток. Но, лишившись нескольких десятков фунтов мертвой материи, он почти не пострадает. Я перенесу твое бездыханное тело к Гларату, а уж он вернет тебя к жизни.

С мягкой грацией пантеры она опустилась на

колени посреди шелков. Запустила обнаженные руки в золотое буйство волос, и они упали на плечи благоуханным покрывалом. Сорэйнья раскрыла объятия.

— Денни, так ты отправишься сегодня со мной? — хрипловато прозвучал ее призыв. — Все в твоих руках.

Весь дрожа от еле сдерживаемого желания, Лэннинг с трудом отвел взгляд и посмотрел на свои руки. Автомат уже занял выжидательную позицию в его непослушных руках, а дуло его… смотрело прямо в сердце. Палец находился возле курка. Одно легкое движение — и все. И никто не усомнится: произошел несчастный случай.

А голос соблазнительницы звучал, словно райская музыка:

— Гирончи ждет нас, Денни. Целый мир у наших ног…

От сверкания белого, золотого и малиново-алого у него с новой силой заныло сердце. Пульс участился, в висках словно стучали молоточки. Палец сам скользнул на курок. Но инстинкт самосохранения, дремавший где-то в уголке сознания, взял свое; он услышал тихий голос Летони:

— Помни, Денни Лэннинг! Тебе предстоит принести свет в грядущий мир.

Он осторожно снял дрожащий палец с курка и положил оружие на столик рядом с собой. И произнес одними губами:

— Попытайся еще раз, Сорэйнья!

Ее зеленые глаза сверкнули, алые губы сжались в бешенстве.

— Я тебя предупреждала, Денни Лэннинг! — все соблазнительные нотки исчезли; теперь голос королевы воинов звучал резко и угрожающе. — Примешь сторону этого фантома из Джонбара — канешь в Лету вместе с ней. Я нуждаюсь в твоей силе. Но Гирончи победит и без нее.

Исполненная звериной ярости, она выхватила длинную золотую шпагу:

— Когда встретимся снова, тебе придется защищаться!

Яростное движение ногой, и фурия исчезла.

Встречи с этими двумя анахроничными женщинами породили множество проблем в жизни Лэннинга, которые непросто было разрешить. Будь они реальными гостьями из конфликтующих миров будущего, он, по крайней мере, был бы уверен в очевидности происходящего и не списывал все на проблемы сознания. Сколько раз бессонными ночами, ломая голову над этими неразрешимыми парадоксами, он опасался: не

схожу ли я с ума.

Но в Испании же его догнала посылка с еще одной брошюрой Уила Мак-Лэна, теперь уже обладателя многих научных степеней, профессора астрофизики в одном из западных университетов. Научный труд, носящий название «Вероятность и определенность», имел надпись на титульном листе: «Денни от Уила — вторая петля времени, чтобы исправить первую».

Лэннинг обнаружил один из параграфов вводной части книги подчеркнутым и отчаянно искал в нем скрытый смысл:

«Будущим мы обладаем так же реально, как и прошлым, единственный указатель направления, будучи константой, коррелирует энтропию и вероятность. Но новая квантовая механика, разрушая абсолютную функцию причины и следствия, должна точно так же ликвидировать и суть разногласий. Нет никакой определенности в маленькой шкале событий, и, следовательно, “несомненности” микроскопического мира можно рассматривать в лучшем случае как статистическую величину. Возможность, в развернутом будущем, должна быть замещена определенностью. Элементарные частицы старой физики могут быть сохранены в новом

пятимерном пространстве. Но любое рассмотрение этого гиперпространственно-временного континуума должно отмечать конфликтующую бесконечность возможных миров, лишь один из которых при пересечении геодезических линий с развивающимся планом настоящего может когда-либо стать физической реальностью. И из этой новой перспективы мы можем попытаться сделать математический обзор».

«Конфликтующие… возможные миры!»

При этих словах Лэннинг чуть не подпрыгнул. Вот он, просвет! Именно его, старого друга, можно посвятить в тайну: он единственный, кто поймет Лэннинга. И подскажет, являются ли Летони и Сорэйнья чудесными гостями из иного времени или стоит держаться от них подальше.

Он немедленно написал Мак-Лэну, изложил свою историю и спросил его мнение обо всем. Письмо долго мыкалось по инстанциям, задерживаемое цензорами, и, наконец, вернулось из Америки со штампом: «Адресат не обнаружен». Поиски через университетские круги дали малоутешительный ответ: Мак-Лэн уволился, чтобы заняться частными исследованиями. Его местонахождение неизвестно.

И Лэннинг продолжил свой нелегкий путь

в одиночку по темному коридору войн и лет вплоть до 1937 года. Каблограмма Лао Менг Шана догнала его в Лозанне, где он выздоравливал после возвращения с испанской войны; немецкий осколок прочно засел в его колене. Находясь на отдыхе, он писал очередную книгу.

Обратившись в философа, он пытался анализировать тенденции развития мира: обнаруживать влияние добра и зла, пути разрешения конфликтов, которые могут либо помочь миру достичь расцвета технологической цивилизации, либо заставят скатиться в пучину разрухи и загнивания.

«Денни, мой старый американский друг, человечество нуждается в тебе, — вот что было в каблограмме. — Прилетишь в Китай?»

Решительное действие всегда было лекарством для измученного сознания Лэннинга. А газеты тех дней заставляли его кровь вскипать, публикуя описание гибели сотен женщин и детей при воздушных налетах. Не обращая внимание на ноющую боль в колене, он отложил древнюю, как мир, проблему добра и зла и вылетел в Каир, где пересел на быстрый пароход, идущий на восток.

Глава 4
Корабль мертвых

Стаи крылатой смерти носились в воздухе. Сирены не умолкали, возвещая о «пей чи» — летающих машинах. Перепуганный Шанхай стал черным от маскировки, но в городе уже желтели руины от Чапея на севере до доков Вангпу на востоке, куда угодили первые бомбы японцев.

Поврежденная левая нога благодаря стали заводов Крупа теперь превратилась в отличный барометр, реагирующий на любые изменения погоды. Прихрамывая, Лэннинг тащился через поле Лунгва, что на юге непомерно разросшегося города, к поврежденному самолету старинной модели. Полночная прохлада развеяла остатки сна; он вздрогнул, услышав гул в небе.

Лао Менг Шан, отныне его стрелок, уже был возле машины, с печальным видом встряхивая свои наручные часы. Он серьезно заметил на своем правильном английском, пытаясь перекричать шум моторов:

— Наши командиры слишком самоуверенны! Мои часы остановились, когда упала первая бом-

ба. Дурное предзнаменование.

Лэннинг никогда не смеялся над суевериями — а некоторые пилоты смеялись. Но сейчас он улыбнулся в темноте:

— Знаешь, Шан, древний воин по имени Джошуа остановил восход солнца, пока его битва не была выиграна, — ответил он. — Может быть, это хорошее предзнаменование. Идем.

Прилаживая шлем, китаец пожал плечами:

— Думаю, это скорее означает, что нам не сесть живыми. Однако если есть такой приказ, мы должны умереть за Китай.

И он обреченно полез в заднюю кабину.

Лэннинг проверил приборы, связался с наземным персоналом, затем запустил мотор. И проверенная временем машина стала подниматься в небо, где шел бой. Тот факт, что накануне большинство из поднявшихся в небо самолетов были сбиты, является более серьезным предзнаменованием, нежели остановившиеся часы, подумал он мрачно.

Темнота одеялом накрыла город с миллионами жителей. Грузовики с солдатами и фургоны со снарядами разъезжали по улицам. То и дело тарахтели зенитки. Среди облаков белого дыма шарили лучи прожекторов, пытаясь, хотя и без-

успешно, отыскать врага.

Лэннинг заворачивал по спирали, прищурив глаза, стараясь облететь кучевое облако. Вздрогнул, когда снизу вспыхнуло желтым. Увидел, что прекрасный современный город лежит в руинах, и ему показалось, что слышны крики и стоны, просьбы о помощи. Он будто почувствовал резкий запах горелой человеческой плоти. Его худощавое тело напряглось, и он приготовил пулеметы к бою.

Они находились на одном уровне с облаками, когда те озарились белым в свете прожекторов. Из облака выскользнул темный бомбардировщик, тяжело нагруженный грибоподобными бомбами. Лэннинг повел машину круто вниз. Шан помахал рукой. Заработали орудия на их машине. Бомбардировщик отклонился от курса и стал отстреливаться сам. Но Лэннинг угрюмо держал его в поле зрения. Из пулеметов вырвался черный дым, и вражеский самолет начал клониться к востоку.

Раз…

Он изо всех сил старался вытянуть поврежденный самолет, когда блуждающий луч прожектора обнаружил их. Их накрыли зенитки. Крылья изрешетили зловещие черные дырки, приборные

стекла треснули и разлетелись. А плечо внезапно онемело.

Предательский свет не оставлял их в покое. Вдобавок в ноздри ему ударил запах бензина, и сзади вспыхнуло желтое пламя. Быстро обернувшись назад, Деннис увидел преследовавшего их второго врага, выныривающего из-за облака. А еще он увидел темную кровь, стекающую по искаженному лицу Шана. С ними все кончено. Но Шан усмехнулся, стиснув зубы, и поднял окровавленную руку, посылая ему приветственный жест. Аэнвинг заставил поврежденный самолет сделать петлю Иммельмана, разворачиваясь к новому противнику…

Кровавый туман агонии лишил правую ноту каких-либо ощущений. Но он держал курс прямо на второй самолет и бил по нему изо всех орудий. Тот начал падать. Сквозь завесу ревущего огня Лэннинг разглядел, как из самолета посыпались молокососы — его экипаж. Враг тоже был охвачен пламенем.

Два…

Взрыв болезненно отозвался в голове Лэннинга. Посыпались металлические фрагменты. Горячее масло брызнуло в лицо. Мотор заглох; машину лизнули новые языки пламени.

Задыхаясь, Лэннинг попытался сделать боковое скольжение, чтобы потоком воздуха сбить пламя и ядовитые выхлопы. Он обернулся посмотреть на Шана. Лицо маленького азиата стало зловещей маской. Со странной полуулыбкой он держал что-то в дрожащей руке — свои часы.

По спине Лэннинга пробежала дрожь. Он никогда не смеялся над суевериями. И теперь очевидный факт человеческой интуиции, сумевшей воспринять будущее, вызвал шок, усиливавшийся предчувствием близкой смерти. На лице Шана застыло немое изумление; он с трудом поднял непослушную руку, указывая на что-то. Лэннинг проследил за движением товарища, и будто бы ледяная рука сжала ему сердце. Потому что рядом с ними показались огоньки — что-то приближалось.

Странного вида летательный аппарат — а может, серый призрак летательного аппарата. У него не было крыльев, плоская палуба — таких воздушных судов небо еще не видывало. Тело корабля напоминало субмарину, только на обеих концах находились два массивных металлических диска, светившихся зеленым светом.

Необычного вида команда высыпала на палубу и стояла, крепко стиснув перила. На первый

взгляд они показались столь же призрачными и невероятными, как и сам корабль. На некоторых были странного вида нарядные туники серебристо-серого и зеленого цветов. Но несколько человек носили знакомую военную форму: французский полковник, австрийский лейтенант, высокий худой капитан Королевских вооруженных сил. Рот Лэннинга открылся в изумлении, и внезапная вспышка радости потрясла его измученное тело.

Ибо увидел он Барри Халлорана!

Нисколько не изменившийся с того рокового апрельского дня десять лет назад, даже одетый в те же вельветовые брюки и футбольный свитер, его друг-полузащитник возвышался над остальными на добрую голову. Он увидел Лэннинга, улыбнулся и изо всех сил замахал руками в знак приветствия.

Самолет-призрак приблизился, резко снижаясь рядом с падающим самолетом. И внезапно он стал более реальным. Боль Лэннинга утихла, уступив место потрясению, он даже почти перестал дышать. Он увидел худощавого беловолосого человека — до боли знакомая фигура! — чем-то увлеченного внутри маленького хрустального купола, увенчанного круглой металлической

башенкой и расположенного в середине корабля. Из башни торчала труба, похожая на дуло орудия, только из хрусталя. Она испускала яркий желтый луч, направленный на самолет Лэннинга.

Лэннинг ошутил, как его скручивает и куда-то тянет. Самолет и его собственное тело сопротивлялись воздействию таинственных сил. Мощная волна боли накатила на него, лишая сил. Потом сопротивление прекратилось. Корабль стал абсолютно реальным, он подлетел еще ближе и теперь был бок о бок с самолетом.

Агония вновь накатила на Лэннинга, пальцы его отпустили рычаги управления. Он закашлялся, задыхаясь и соскальзывая в темную бездну. Его поглотила нескончаемая боль. Как будто некая сила запихнула его в громыхающую раскаленную печь.

Кораблей-призраков не существует, их просто не может быть! Но быстрые ласковые руки уже укладывали их на носилки. Лэннинг не сводил глаз с огромной фигуры рыжеволосого Барри Халлорана, волшебным образом не изменившегося за эти десять лет.

— Будь уверен, старичок, это я! — прогудел знакомый бас. — Не волнуйся. Эти ребята поставят тебя на ноги, будешь как новенький, даже лучше.

А потом поговорим. Думаю, мы на вневременном пути.

Фантастический корабль, управляемый командой мертвецов. Лэннинг не был суеверен, даже не считал себя религиозным в обычном смысле слова. Он просто верил в высшее предназначение человека. Он считал, что смерть уничтожит его личность, но человечеству суждена вечность. Этот стигийский корабль явился полной неожиданностью — но выглядел весьма любопытно.

— Барри! — зашептал он. — Я рад… тебя видеть…

Легкая тень опустилась на его глаза. Кровь из плеча струилась, заливая тело. Поврежденное колено отчаянно ныло. Он с трудом догадался, что люди в серо-зеленой форме подняли его носилки. А потом сознание отключилось.

Глава 5
Искалеченный человек

Когда Деннис Лэннинг начал приходить в сознание, ему показалось, что он всегда находился в этой маленькой комнатке с зелеными стенами. Его прежняя тяжелая жизнь без корней и привязанностей вспоминалась теперь как сон, как далекая реальность — во всем, кроме визитов Летони и Сорэйньи.

Он понемногу вспоминал операционную: ослепительный свет, энергичные люди в белых масках, звон хирургических инструментов, Барри Халлоран с его подбадривающей улыбкой, запах какого-то странного анестетика.

Шан лежал на кровати напротив, погруженный в безмолвный сон. И Лэннинг, просыпаясь в перерывах между сном, познакомился в лазарете с двоими людьми. Это были Сильвано Кресто, испанский ас, подбитый во время войны в Марокко, и Вилли Рэнд, служащий Военно-морских сил США, пропавший без вести, когда злополучный лайнер «Эйкрон» погиб в море. Последний сейчас опирался на его подушки, попыхивая сигаретой.

Он улыбнулся:

— Куришь?

— Спасибо, — Лэннинг поймал белый цилиндрик, не обращая внимания на забинтованное плечо. — Что происходит?

— Не в курсе, — Вилли Рэнд выдохнул кольцо дыма.

— Это что — корабль? Куда мы направляемся?

— Корабль называется «Хронион», — Рэнд выпустил еще одно большое кольцо. — Кэпа зовут Уил Мак-Лэн. Мы держим курс, как говорят, в местечко под названием Джонбар — сам не знаю, где это!

Лэннинг просто подпрыгнул от изумления. Уил Мак-Лэн! Его старый сосед по комнате, студент, изучавший время. Джонбар! Город Летони, именно этот город она показывала ему, Лэннингу. Город отдаленного будущего.

— Но почему? — выдохнул он. — Я не понимаю!

— Я тоже. Все, что я знаю, дружище, — я потерялся, когда нас накрыл этот чертов «Эйкрон». Пытался выплыть. Что-то сшибло меня, и я очнулся в этой кровати. Пожалуй, неделю назад.

— Неделю! — Лэннинг не поверил. — Но «Эйкрон» — все случилось в тридцать третьем!

Рэнд прикурил еще одну сигарету от первой.

— Время здесь не имеет значения. Последний лежавший на этой кровати — австриец Эрик фон Арнет. Он попал сюда с фронта в Исонцо в 1915-м. А на кровати китаезы лежал француз, Жан Кверард. Его подстрелили в 1940-м при защите Парижа.

— В сороковом! — тихо прошептал Лэннинг. Реален ли завтрашний день? Летони — и Сорэйнья?

Энергичный человек в серо-зеленом быстро вошел в лазарет, мягко отобрал сигареты и поставил им странного вида термометры. Лэннинг достал термометр изо рта.

— Где Барри? — потребовал он ответа. — Хочу видеть Барри Халлорана. И Уила Мак-Лэна!

— Не сейчас, сэр, — ритм произношения был странно знаком — как у Летони! — Сейчас время вашего последнего «Четыре». Когда проснетесь, сможете встать. А сейчас лягте на спину, сэр, и дайте вашу руку.

Он вернул термометр на место. Другой человек быстро подкатил столик на колесах. Ловкие руки обнажили запястье Лэннинга. Он почувствовал укол иглы. И его поглотил сладостный сон.

При последующем, окончательном пробужде-

нии во всем теле было восхитительное чувство здоровья и бодрости. Бинты сняли. Его плечо, искалеченная нога были в полном порядке, как новенькие. Даже немецкий осколок в колене совершенно не ощущался.

Шан, насколько он понимал, уже исчез с койки напротив. Теперь там находился здоровенный мужчина, весь укутанный бинтами, наблюдавший за ним тяжелым взглядом темных со славянским разрезом глаз. Безмолвный санитар приблизился к койке русского, воткнул в бинты с десяток игл и положил на одеяло Лэннинга его старую униформу, чистую и аккуратно заштопанную.

— Борис Баринин, — сообщил ему санитар, указав на постель русского. — Советский пилот. Мы подобрали его неподалеку от полюса в сорок седьмом. Израненного, голодного, обмороженного. Уже готового, чтобы забрать его. Вы можете идти, сэр. Капитан Мак-Лэн повидается с вами.

Лэннинг натянул униформу и, воодушевленный новым ощущением здоровья, быстро вскарабкался на палубу «Хрониона». Длина ее составляла семьдесят футов между двумя полированными металлическими дисками, и посредине высилась башня. Внизу раздавался мягкий стук

каких-то приборов.

Корабль должен двигаться. Но за счет чего?

Осматриваясь по сторонам, не покажется ли луч солнца или береговой знак, Лэннинг видел вокруг лишь сверкающую синюю дымку. Он попытался заглянуть вниз, перевесившись через поручни. И опять — ничего. «Хронион» как будто висел в синем тумане.

Мерцающие вспышки в этой лазурной синеве странно настораживали. Иногда ему казалось, что он видит очертания далеких гор, блеск волн, силуэты деревьев и зданий — нереальные образы, плоские, будто двухмерные, нагроможденные друг на друга. Все происходило словно на киноэкране, рамки которого растянуты на тысячи миль, и произошло это слишком быстро, так что изображение превратилось в пляшущие тени.

— Денни, старик! — раздался радостный крик Барри Халлорана, спешащего к нему решительным шагом. Лэннинг сжал его руку, ухватился за мощное плечо. Как приятно вновь ощутить крепость мускулов старого друга, увидеть его нежную, чуть кривоватую усмешку.

— Ты в хорошей форме, Барри. Не постарел ни на день!

Синие глаза расширились в благоговейном

ужасе.

— Хорошенькие дела, Денни. Прошло десять дней, как они подобрали меня, пытавшегося спастись после падения в реку Чарльза, со сломанными обеими ногами. Но, как я понял, ты прожил еще десять лет!

— Что нас ждет впереди, Барри? — хрипло спросил Деннис. — Что все это означает?

Здоровяк запустил пятерню в гриву своих огненнорыжих волос.

— Понятия не имею, Денни. Уил обещает, что мы попадем в заварушку, чтобы спасти город под названием Джонбар. Но что у них там случилось, как мы будем сражаться и как попадем туда — я не знаю.

— Я собираюсь это выяснить, — сказал Лэннинг. — Где Уил Мак-Лэн?

— На капитанском мостике. Я покажу тебе.

Они встретили четверых людей в серо-зеленом, которые вышли на палубу с носилками, на которых лежали двое. Их сопровождала небольшая группка людей в разных военных формах. Лао Менг Шан радостно улыбнулся, увидев Денниса, и представил остальных.

Кресто, испанец. Вилли Рэнд. Худощавый британский летчик, Куртни-Фарр. Эрих фон Арнет

с грубыми чертами лица. Подвижный маленький Жан Кверард. И Эмиль Шорн, со шрамами, полученными на дуэли, гигантский выходец из Пруссии, которого забрали из горящего «цеппелина» в 1917-м.

— Куда мы движемся? — спросил Кресто, и его белые зубы сверкнули в усмешке, озарившей смуглое лицо. — Как бы то ни было, амигос, это лучше, чем быть в аду. Верно? — Он засмеялся.

— Мы бойцы, — прогудел Эмиль Шорн с мрачной ухмылкой. — Мы идем на битву. И этого достаточно.

— Хороша банда, правда? — Барри Халлоран повел Лэннинга дальше, к маленькой металлической двери в башне. Внутри находился еще один человек в серо-зеленом, терпеливо наблюдавший за неуклюжим объектом, похожим на орудие со стеклянным стволом. — Вы найдете Уила внутри купола, — объяснил он.

Лэннинг взобрался по металлическим ступенькам. Постоял за сверкающим штурвалом, под безупречной кристальной раковиной, а затем приблизился к странному маленькому человечку — вернее, изуродованному подобию человека. У него перехватило дыхание: настолько сильна была боль сопереживания. Ибо незнакомец был

ужасен из-за множественных следов неописуемой муки.

Эти руки — без устали манипулирующие маленькой трубочкой из серебристого металла, свисавшей с его шеи на тонкой цепочке — были желтыми, обескровленными, скрюченными клешнями: трясущимися, скрюченными болью. Все его худое тело было уродливо сгорбленным, выгнутым так неестественно, будто каждую его косточку переломали в чудовищных пытках в нескольких местах.

Потом еще лицо — изможденное, мертвенно-бледное, все испещренное множеством глубоких шрамов, ужаснувших Лэннинга. Под спутанной копной непокорных белых волос вместо человеческого лица он видел суровую, изуродованную болью маску. Темные, глубоко посаженные глаза являли собой мрачные колодцы агонии и ненависти.

И вдруг эти зловещие глаза озарились узнаванием:

— Денни! — раздался горячий шепот, но странно сухой, безголосый.

Маленький человек устремился ему навстречу, протягивая дрожащую руку, худую, скрюченную, изуродованную шрамами. Лэннинг пытался

не показывать тех чувств, которые вызвало появление калеки. Он пожал сухую клешню и попробовал улыбнуться.

— Уил? — прошептал Деннис. — Уил Мак-Лэн?

Он еле удержался от другого вопроса: «Что с тобой произошло, Уил?»

— Да, Денни, — прошелестел бесплотный голос. — Но я прожил еще сорок лет после тебя — и десять из них в камерах пыток Сорэйньи.

Лэннинг вздрогнул при звуке этого имени. А старый калека весь сжался, произнося его, и глаза его пылали ненавистью — нескрываемой ненавистью. Лэннинг подумал, что, пожалуй, именно это чувство заставляет его тело жить и двигаться.

— Я стар, Денни, — бесплотный шепот продолжал звучать. — Мне было пятьдесят три, когда «Хронион» попал, наконец, во временной поток. Это было в 1960-м. Десять лет в Гирончи, — лицо его стало белым, как мел, шепот понизился до еле слышного шороха. — Они показались мне тысячелетием. Последние четыре года я провел в Джонбаре, готовил нашу нынешнюю кампанию, — искалеченное тело выпрямилось, словно в него влили дополнительную энергию. — Стар! — прошептал он снова. — Но не слишком

стар, чтобы взять верх над Гирончи.

Внезапная страстная надежда ожила в Лэннинге, взяв верх над его изумлением и страхом.

— Джонбар? — прошептал он. — Тогда… ты должен был встречать девушку по имени Летони.

Он в отчаянии смотрел на лицо, изборожденное шрамами. В горле распух болезненный комок. Напряжение почти достигло предела. Было ли возможно такое — чтобы «бездну страшнее смерти» можно было перепрыгнуть прямо сейчас?

И тут изуродованный человек медленно кивнул. Суровое выражение, опаленное ненавистью, казалось, покидает его лицо, уступая место слабой, но все же светлой улыбке.

— Да, Денни, — послышался мягкий шепот. — Я действительно знаю Летони. Это она спасла меня из застенков Сорэйньи. Именно за нее и за весь ее мир мы будем сражаться. Иначе Гирончи сотрет их с лица земли.

У Денниса перехватило дыхание. Его дрожащие пальцы коснулись сгорбленного плеча Уила Мак-Лэна.

— Расскажи мне, Уил, — взмолился он. — Какая же это все-таки загадка — сумасшедшая, трудноразрешимая… Где находится Джонбар? Смогу ли я когда-либо увидеть Летони? И еще, Сорэйнья, —

что она с тобой сделала?

Взор Мак-Лэна устремился к рычагам и кнопкам на панели управления. Двигаясь с ловкостью и изяществом, удивившими Лэннинга, его узловатые пальцы касались кнопок, вращали отполированный штурвал. Он прошептал какой-то приказ в трубку, проходящую через переднюю стенку хрустального купола. В этом искалеченном теле жила удивительная сила.

— Подожди немного, пока будет выполнено это задание, — прошептал он Лэннингу. — Понаблюдай, если хочешь.

Стоя рядом с ним, Лэннинг разглядывал очертания хрустального купола. Синяя дымка наполнялась более густым мерцанием. Склонившись над одной незаметной кнопкой, Мак-Лэн набрал шифр. И сейчас же синева исчезла.

«Хронион» летел низко над серым неспокойным морем. Был конец ненастного дня, и горизонт окутывал густой туман. И Лэннинг увидел серые силуэты боевых крейсеров, возникающие из тумана, охваченные огнем и дымом.

Мак-Лэн отстучал что-то на клавиатуре возле штурвала, и «Хронион» вновь заскользил вперед. Башня над ними повернулась, и хрустальное орудие произвело выстрел. Внизу команда с но-

силками бесшумно двигалась вдоль палубы.

Высматривая сквозь дым баталии корабли, Лэннинг различил «Юнион Джек», а затем еще одно, явно германское судно. Внезапно, охваченный благоговейным ужасом, он узнал сцену военно-морской истории, в которой они оказались.

— «Защитник» и «Воин»! — выдохнул он. — Атакуют «Висбаден»! Это что — Ютланд?

Уил бросил взгляд на приборы:

— Да. Сейчас 31 мая 1916-го. Ожидаем затопления «Защитника».

Сквозь завесу едкого дыма «Хронион» скользил все ближе к атакующим британским судам. Внезапно германский крейсерный флот показался из тумана, обрушивая ураганный огонь на нападавших, стремясь защитить «Висбаден». Два жутких залпа пробили обшивку флагманского корабля «Защитник», и его охватило всепожирающее пламя.

Боевые крейсеры обоих флотов перемешались в дыму сражения, а Уил Мак-Лэн тем временем подвел «Хронион» к тому месту, где исчез «Защитник». Обломки крейсера плавали на поверхности моря, постепенно погружаясь в пучину, где затонул флагман.

На конце хрустального орудия вспыхнула све-

тящаяся спираль, и широкий желтый луч был направлен к дымящемуся водовороту. Барри Халлоран, стянув свитер, прыгнул за борт с мотком веревки. Его вытянули назад при помощи луча, и с ним был спасенный человек. Весь в крови пополам с морской водой, спасенный моряк лежал на носилках, и его уже бегом тащили вниз.

Куртни-Фарр покачнулся и едва не упал в воду, когда стальной нос выведенного из строя «Варспита» внезапно вынырнул из дымовой завесы. Он испуганно заковылял назад. У Лэннинга перехватило дыхание. Тут им всем и конец!

Но Уил Мак-Лэн быстро набрал код, поворачивая блестящий штурвал. Зеленое сияние озарило огромные диски. И воюющие флоты исчезли из виду, их поглотило синее мерцание. Искалеченный старик вздохнул с глубоким облечением и вытер капли пота со лба.

— Ну что ж, Денни, теперь у нас есть еще один защитник Джонбара.

— Ну а теперь-то ты объяснишь мне все?

Глава 6
Окно во времени

Склонившись над панелью управления, Уил Мак-Лэн откинул назад белоснежную шавку волос. И во время затянувшейся паузы его скрюченные пальцы пробежали по белым шрамам на лице.

— Извини меня за этот голос, Денни, — раздался, наконец, его хриплый шепот. — Дело в том, что однажды, когда я, томившийся в застенках Гирончи, умирал от жажды и молил о глотке воды, Сорэйнья влила мне в горло расплавленный металл. Даже докторам Летони не удалось вырастить новые голосовые связки. Сорэйнья поплатится за это!

В глубоко посаженных глазах Уила вновь вспыхнула ненависть, придавшая всплеск энергии согбенному телу. Старик попытался успокоиться. Он расцепил стиснутые руки, на изуродованном лице появилось слабое подобие улыбки, он неторопливо продолжал рассказ:

— Время всегда бросало мне вызов. Когда мы жили в простом четырехмерном континууме,

где время является четвертым измерением, завоевать его оказалось до смешного просто — я использовал классическую динамику Ньютона.

Но Макс Планк шагнул дальше со своей квантовой теорией, де Бройль и Шредингер изобрели волновую механику, а Гейзенберг — матричную. Каждое новое открытие, казалось, усложняло структуру Вселенной — а вместе с ней и проблему времени.

С заменой волнами вероятности непрерывно существующих частиц, линии объектного мира не являются более простыми фиксированными путями, какими считались изначально. Геодезические линии обладают бесконечным количеством возможных ответвлении во всем многообразии субатомной неопределенности.

Разумеется, в основной своей массе статистические результаты новой физики не особенно отличаются от описанных классическими законами. Видимая реальность Вселенной остается прежней, но подвергается бесчисленному количеству возможных изменений.

Определенность упразднена. Допустим, человек стоит на бетонном полу. Больше не является аксиомой то, что он не провалится сквозь этот пол. Ибо он поддерживается лишь постоянно

реакцией межатомных сил, а те, в свою очередь, управляются только вероятностью.

Лишь чистая статистическая вероятность не позволяет человеку излучать тепло, когда его тело намертво замерзает, или поглощать тепло, находясь в пламени, или взлетать вверх вопреки гравитации Ньютона, или же рассыпаться кучкой молекул.

Чистая случайность — вот и все, что нам осталось. И моим первым реальным изобретением стал прибор для геодезических исследований, выполняющий анализ вероятностей. Полуматематический прибор, существенно улучшенный старый гармонический анализатор. Прослеживая вероятностные передвижения во времени материальных частиц, он открыл окно в будущее.

Хриплый шепот приостановился, и старый Уил Мак-Лэн проковылял к одной из стенок купола. Его дрожащие израненные руки приподняли черный бархат, покрывающий прямоугольный блок из чистейшего хрусталя, водруженный на вершину металлического ящика.

— Это хроноскоп, — сообщил он. — Нечто вроде окна во времени. Он порождает специальные поля, распространяющие излучение вдоль временных осей.

Мы располагаем стереоскопическим изображением на хрустальном экране — в нем происходит избирательное свечение на колебаниях частот, проецируемое снизу.

Старик нажал несколько кнопок на конце хрустального блока. Он озарился дымчато-зеленым светом. Зеленый цвет постепенно посветлел, и Лэннинг невольно издал возглас восхищения. На хрустальном экране стал виден новый мир в миниатюре.

Широкая серебристая река разрезала плодородные зеленые долины, где, словно точечки, тут и там виднелись поселения. За рекой стояли два холма. Один из них венчала громадная цитадель. Ее мощные стены сверкали тем же малиново-алым металлом, что и кольчуга Сорэйньи. Над грозными башнями реяли желто-черно-алые знамена. Открылись широкие ворота у подножия холма. И вооруженное войско высыпало из цитадели.

— Присмотрись к солдатам, — выдохнул Мак-Лэн.

Лэнннинг склонился пониже к хрустальному блоку. Внезапно ему показалось, что он смотрит в окно, в настоящий мир. Он снова увидел солдат и издал приглушенный крик:

— Они вовсе не люди! Они… насекомые!

— Наполовину муравьи, — прошептал калека. — На другую половину — люди. Биологи Сорэйньи проводили над ними свои дьявольские эксперименты. Эти монстры — ее воины, воспитанные, чтобы наводить страх на ее рабов. И это ее замок, в котором я и томился. Но взгляни теперь на другой холм.

Лэннинг обнаружил холм, на вершине которого возвышалась башня эбонитового цвета. Здание было обширным, но приземистым, окруженным бесчисленными колоннадами из мощных колонн квадратной формы. Из самого его центра вырастал столб самой черноты, густой и отчетливой тьмы, широко расползавшийся в небе, словно дымный хвост невиданного торнадо.

— Башня тиран, где правит Гларат, — поспешил объяснить Уил. Он снова работал с кнопками. — А теперь смотри сюда!

Поселение, состоящее из неуклюжих строений, приблизилось. Марширующие колонны гигантских антропоидов быстро окружали деревню, сгоняя поселян — с простодушными лицами, крепких и грубоватых на вид, хотя при этом оборванных и явно голодающих — с их полей.

— Это жестокое мероприятие имело место,

когда я находился в тюрьме, — прошелестел старик. — Вина людей состояла в том, что они не уплатили налоги Сорэйнье и десятину для тиран. И причина такова — не было зерна для уплаты налогов, ибо Сорэйнья и ее лорды просто так, из спортивного интереса, растоптали и уничтожили большую часть полей.

Вооруженные золотыми топорами и коротко-ствольными ружьями из малинового металла (из него же были их собственные устрашающие челюсти), шестиногие воины закончили окружать деревню. А затем из красной цитадели выехала бронированная повозка, разорвавшая круг гигантов. Из нее вырвался яркий белый луч, и жалкие домишки разом вспыхнули. Ветер погнал стену огня через деревню.

Полностью человеческая фигура в алых доспехах и шлеме с черным плюмажем спрыгнула с повозки и присоединилась к огромным черным людям-муравьям. Тонкая золоченая шпага так и мелькала, безжалостно разя мужчин, и женщин, и детей, выбегавших из пламени, пока, наконец, чудовищная резня не была окончена. Затем человек отвернулся от выжженного места, поднял шпагу в триумфальном жесте, и снял шлем. Волна золотистых волос рассыпалась по плечам,

покрытым алой кольчугой. У Лэннинга кровь прилила к голове, острая боль пронзила сердце.

— Послушай, так это же… — выпалил он. — Это Сорэйнья!

— Сорэйнья, — прошептал Мак-Лэн. — Прекрасная королева Гирончи.

Он повернул переключатель, и Сорэйнья исчезла, вместе со своим черным воинством, в переливающейся прозрачности хрустального блока. Он поднял безжизненные глаза на Лэннинга; в глазах колыхалась жгучая ненависть и боль. Его искалеченные руки сжались, потом расслабились и вновь поднялись к груди, чтобы прикоснуться к маленькому цилиндру серебристого металла, свисающему с шеи.

— Так уж случилось, что Гирончи стал первым миром будущего, среди других возможных, обнаруженных хроноскопом, — заговорил он. — Случилось так, что я узрел Сорэйнью, прекрасную в своих доспехах, сражавшуюся на шпагах с одним из людей-муравьев.

Ты знаешь, какая она — ну, в общем, привлекательная. В первый раз направление прибора было ограничено ее юностью; тогда варварские сцены были редкостью. Не забывай, Денни, я был тридцатью годами моложе, чем сейчас, когда

впервые увидел ее в 1945-м. Ее великолепие, воинская доблесть ее империи — я был покорен.

И, отказавшись от всех других возможных миров, я стал следить за ней месяцами — даже годами. Я тогда еще не знал, какой вред может нанести временной поисковый луч, — он склонил свою белую голову и умолк на мгновение. — Но не существует такого процесса, который обнаружил бы состояние электрона без изменения этого состояния. Кванты моего сканирующего луча были поглощены атомами, которые его отразили. Результатом стал рост вероятностного фактора Гирончи — и в этом-то и состоит корень всей трагедии.

Лицо в шрамах исказила гримаса боли.

— Это целиком моя вина. Ибо до того, как я осознал это, абсорбция отрезала возможности для всех других миров, и Гирончи стал единственным миром, который достигала ограниченная сила моего прибора. И это ослепило меня, я не понимал, что совершаю преступление. И, боюсь, тебе не понять моей страсти по отношению к Сорэйнье!

— Я понимаю, — беззвучно, одними губами, отозвался Лэннинг.

В глазах старого ученого вновь вспыхнул огонь,

и он прикоснулся к серебряной трубочке.

— Я наблюдал за ней в хроноскоп, — звучали его слова. — Иногда я просто приходил в отчаяние из-за того, как она далеко от меня во времени и вероятности, а иногда делал отчаянные усилия. Потому что решил покорить время и соединиться с ней в Гирончи.

В 1952 году, после семи лет бесплодных попыток, я стал способен наладить коммуникацию. При помощи увеличения мощности и фокальной резкости темпорального излучения я смог спроецировать говорящий образ себя самого в крепость Сорэйньи.

Лицо Мак-Лэна исказило страдание. Над челюстями заходили желваки, дыхание стало неровным, сбивчивым; лишь через пару минут он смог заговорить снова:

— Так что я обратился к Сорэйнье. Вначале она казалась удивленной и встревоженной. Но затем, после нескольких моих визитов в ее апартаменты, ее отношение внезапно переменилось: скорее всего, без совета Гларата не обошлось.

Он с хрустом сцепил пальцы.

— Она улыбалась, — продолжал старик. — Радушно принимала меня и приглашала навещать ее снова. И еще — начала расспрашивать меня о

моих открытиях — сказав, что, возможно, жрецы гиран, будучи учеными, смогут разрешить стоящие передо мной проблемы. И если я смогу прибыть в Гиронччи, то разделю с ней трон.

Лэннинг закусил губу, сдержав тяжелый вздох. Память о визитах Сорэйньи язвила его душу. Но он не стал прерывать рассказчика.

— Недостаточное доверие к жрецам спасло меня от того, чтобы зайти слишком далеко, — рассказывал Мак-Лэн. — Зато поощрение Сорэйньи удвоило мои усилия. Существует громадное сопротивление перемещению любого тела во времени. Ибо пересечения линий имеют якоря как в прошлом, так и в будущем. Исчезновение живого человека, могущего исказить все будущее, попросту невозможно. И даже перемещение инертной массы требует огромной энергии.

И вскоре я понял, что лишь сила, не меньшая, чем атомная энергия, способна преодолеть сопротивление. И вот я, при помощи поискового луча моего хроноскопа, настроился на изучение атомной энергетики будущего. Но здесь мне пришлось столкнуться с некоторыми трудностями.

Прибор, помимо всего прочего, мог лишь выяснить вероятности, а детали, особенно в письменных и печатных документах, остаются

неясными. И Лос-Аламос, и Кремль были полностью доступны для изучения. Я ознакомился с трудами многих ученых будущего: Джона Барра, Ивора Гироса и многих других. Но самые важные работы оставались в тени.

Наконец, я обнаружил существующий в природе закон соответствия и последовательности, работающий скорее в пятом измерении, нежели во временном. И он накладывает ограничения на изучение чего-либо. И его влияние на последующие события создает реальность из вероятностей. Именно этот высший закон сводит на нет все банальные глупости, встречающиеся в старых взглядах на путешествия во времени, наподобие таких: путешественник возвращается в другое время и убивает сам себя. Знакомая логика причинно-следственной связи не исключается; только распространяется на высшее измерение.

При помощи поискового луча я смог заглянуть за завесу военной секретности. Изучал урановые и водородные бомбы, нашел их для себя бесполезными. Первые, довольно грубые атомные реакторы были не лучше.

Лишь мой независимый поиск в области атомной энергетики помог мне вызывать и контролировать взрыв водорода с превращением

последнего в более тяжелые элементы. Первый водородный реактор я построил в 1958-м. Он вырабатывал восемь тысяч лошадиных сил, умещаясь при этом у меня на ладони. Но слушай дальше!

Он сделал паузу, позволив Лэннингу послушать тихую вибрацию приборов на уровне пола. Вид у него при этом был торжествующий.

— Мощь трехсот Ниагар! — прошептал он. — Заключенная в одной ложке воды. Энергия, которая может разрушить целую стену времени! И я нашел нужную кнопку — само поглощение темпорального луча, так беспокоившее меня, вызывается полем сопротивления, на которое реагируют наши двигатели. В течение двух лет я безвылазно сидел над «Хронионом». Предназначенный исключительно для путешествий во времени — не в качестве боевой машины, — он был закончен в июне 1960-го. И я немедленно покинул свою уединенную лабораторию в Скалистых горах Колорадо и отправился в Гирончи. — Шепот ученого превратился в горестный стон. — Я был идиотом. Я надеялся заполучить Сорэйнью и разделить с ней ее алмазный трон.

И сильнейший спазм агонии искривил его бледное лицо.

Глава 7
Командир легиона

Скрежещущий шепот прекратился. Старый Уил Мак-Лэн проворно ковылял по помещению, изучая показания приборов, проверяя клапаны. Его скрюченные пальцы, испещренные шрамами, ловко бегали по кнопкам, крутили сияющий штурвал. Слушая звук монотонного гудения реактора внизу, Лэннинг понимал, что «Хронион» снова в пути, двигаясь сквозь синюю мерцающую дымку. Но куда? Сквозь время?

— Я отправился туда один, так как «Хронион», несмотря на миллионы лошадиных сил, не мог переместить команду из живых людей из их места во времени — в иное, — Мак-Лэн вновь вел свой рассказ, не сводя глаз с Денниса. — Но даже в одиночку мне было очень трудно. Перегруженную цепь замкнуло, произошел взрыв. Лаборатория загорелась, я был серьезно ранен. И сам несчастный случай настолько ослабил мои будущие перекрестные линии, что путешествие просто могло вывести меня из игры. В тот самый момент, когда горящее здание разрушилось, мы

вырвались и ушли во временной поток.

Темные потухшие глаза смотрели теперь в сторону, в сверкающую бездну на экране.

— Ты уже видел Гирончи, при помощи хроноскопа, — старый ученый вздрогнул. — И одного взгляда на мое тело достаточно, чтобы понять, какого рода прием мне устроила Сорэйнья, когда я, наконец, прибыл в ее цитадель.

По склоненному лицу Уила вновь пробежала дрожь ненависти. Из глаз вдруг брызнули слезы. Изломанные, бескровные клешни рук опять, как будто бессознательно, стали перебирать серебряную трубочку на шее. Лэннинг быстро отвел взгляд, а Мак-Лэн продолжал:

— Прости мне эту жалость к себе, Денни. Я поделюсь с тобой унизительными подробностями приема, оказанного мне Сорэйньей. Когда она обманом вывела меня из корабля, ее монстры схватили меня. Она стала издеваться над моими чаяниями и надеждами: желал, мол, королеву Гирончи, плебей! А потом пообещала сохранить мне жизнь в обмен на секрет машины времени. Когда я отказался вести переговоры, она бросила меня в темницу, а «Хронион» передала жрецам гиран для изучения. — Шепот прерывался сухими, тонкими всхлипами. — Целых десять лет в

камерах пыток Сорэйнья пыталась выведать мои секреты, в то время как жрецы разбирались в устройстве корабля.

Всхлипывания прекратились. Уил Мак-Лэн прикрыл глаза, и его живое лицо, хотя и ужасное из-за пересекавших его шрамов, превратилось в безжизненную маску. Скрюченное тело била крупная дрожь, дыхание стало прерывистым. Лэннинг снова отвел взгляд, дождавшись, пока старый ученый продолжит свою ужасную повесть:

— И только Летони освободила меня; мне кажется, ты знаком с ней.

Легкая дрожь пылкого восхищения и благоговения пробежала по телу Денниса. Он пытался начать говорить, но не смог произнести ни одного отчетливого звука и просто слушал дальше.

— Она пришла ко мне в темницу, — говорил Уил. — Белоснежная и прекрасная, с кристаллом времени в руках — это тоже разновидность прибора для поиска временных пересечений, наподобие моего хроноскопа.

Летони простила меня за весь вред, причиненный моим экспериментом Джонбару. Она спланировала мой побег. Вычислила момент, когда происходила смена караула. Обследовала

замки, принесла мне слепки, а я изготовил ключи из костей своего предшественника, умершего в камере.

Когда наступила та самая ночь, она вывела меня из темницы, провела через казармы, где спали солдаты Сорэйньи — королева изжарила их заживо, когда обнаружила мой побег. Летони выбрала безопасный путь для меня через горный перевал, а затем через весь Гирончи к черной башне.

Гларат и его жрецы держали там «Хронион». Вероятно, им удалось разобрать и изучить устройство двигателя. Думаю, они так и не сумели разобраться в нем досконально, ибо до сих пор не предпринимали самостоятельных путешествий во времени. Но, на основании полученных сведений, при помощи гиран, они изготовили золотую раковину…

У Лэннинга перехватило дыхание.

— Я видел ее, — выдавил он из себя. — В нем сидела Сорэйнья!

— Всего лишь ее проекция, — поправил его Уил. — Но Летони привела меня в башню. Началась тревога. От шума проснулись жрецы. За считаные секунды я поднялся в «Хронион», запустил реакторы и покинул это время. Вернулся в начало двадцатого века. И затем, наконец, с

помощью Летони, выверив геодезические линии ее вероятностного мира, я прибыл в Джонбар.

— Джонбар… — вновь прервал его Деннис, быстрым жестом указав на хроноскоп. — Можем ли мы увидеть Джонбар посредством этого прибора? И Летони, конечно?

Мак-Лэн очень серьезно покачал седой головой.

— Мы, разумеется, попробуем. Но вероятностный фактор для Джонбара стал настолько мал, что мне удается достичь его, только используя всю мощь сканирующего луча, при этом изображение весьма туманное. Ибо Джонбар уже на краю пропасти.

Его изломанные пальцы дотронулись до серебряного цилиндрика на шее.

— Но небольшой шанс все же остается, — в потухших глазах зажглась искорка. — С Джонбаром еще не покончено. Именно отец Летони, археолог, производил раскопки в Скалистых горах, где у меня была лаборатория, нашел обуглившиеся останки книг и проржавевшие механизмы, благодаря которым он заново открыл секрет времени.

Он изготовил кристалл времени. С его помощью Летони очень скоро обнаружила то зло, которое я неумышленно причинил своими играми с ве-

роятностями. И она забрала меня в Джонбар во избежание беды. Вот почему я собираю вас в одну команду, Денни.

Лэннинг, нахмурившись, смотрел на него.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Что мы должны делать?

— Два возможных мира, каждый располагает секретом путешествий во времени, борются за выживание, — в глазах старого ученого промелькнула искра. — Либо Джонбар, либо Гирончи, либо Летони, либо Сорэйнья — лишь один может существовать. Никак не двое. Битва уже ведется по всем фронтам времени. Результат зафиксируется высшей последовательностью событий в пятом измерении.

— Но тебе же по силам видеть будущее, — прервал его Лэннинг. — Разве ты не различаешь итог этой битвы?

— Хроноскоп не может обнаружить никаких определенных итогов, только вероятностные, — возразил Мак-Лэн. — И они меняются по мере их обнаружения. — Он покачал седой головой. — Однако мне известно, что сейчас баланс вероятности склоняется в пользу Гирончи.

Лэннинг в отчаянии вцепился в худое плечо товарища.

— Но мы можем помочь? И чем?

— Джонбар и Гирончи не связываются никакими геодезическими линиями, — объяснил Мак-Лэн. — Следовательно, они и не обладают общей реальностью. Они противоположны друг другу. И могут только изучать пути вероятности друг для друга. Но физический контакт невозможен, так как существование одного подразумевает отрицание другого. Так что их военные силы никогда не могут вступить в бой.

Однако наш мир соединен прямыми геодезическими линиями со всеми возможными будущими мирами, значит, он имеет общий план существования с мирами Летони и Сорэйньи. Именно так ты, Денни, и попал в игру.

— Правда? — Деннис в отчаянии весь подался вперед. — Они обе говорили о судьбе. Можешь растолковать мне, что они имели в виду?

Потухшие синие глаза ученого остановили свой взгляд на нем.

— Ты — главное действующее лицо, Денни, — произнес Мак-Лэн. — Судьба сделала тебя избранником Джонбара. Лишь твой триумф спасет город. Если ты проиграешь, все кончено.

— Вот почему они пришли ко мне…

— Сорэйнья изо всех сил пыталась убить тебя.

Чтобы забрать в Гирончи, где твое присутствие гарантирует ее победу. А Летони взяла на себя задачу наблюдать за тобой — до того момента, когда мы загрузим тебя на «Хронион».

— Убить… — эхом отозвался Деннис. — Так значит, все мы здесь — мертвы?

— Я вернулся, чтобы найти тебя и всю компанию твоих товарищей и поставить на службу Джонбару. Ввиду того, что просто невозможно перенести живого человека из его места во времени — для этого потребуется свернуть целый временной континуум, — нам приходится дожидаться, пока каждый из вас действительно не умрет, чтобы осуществить перенос через темпоральное поле. Джонбар обеспечил нас целым штатом хирургов, способных оживить любого немедленно, при помощи динат.

— Динат? — переспросил Лэннинг. — Я слышал, как Летони употребляла это слово, а потом и врачи. Что оно означает?

— Это обнаруженная учеными жизненная сила, на которой базируется целая цивилизация Джонбара, — сказал Мак-Лэн. — Медленная эволюционная адаптация, помогающая использовать неограниченную энергию, дала жизнь динон, совершенной расе, которая может по-

явиться — если ты выиграешь битву за Джонбар. Динат так же важна для Джонбара, как гиран — для Гирончи. Но сейчас не время для несущественных разговоров. Я обрисовал тебе ситуацию, Денни. Что скажешь?

Темные пустые глаза Уила остановились на нем с отчаянной мольбой.

— Примешь ли ты на себя командование Джонбаром — зная, что битва почти наверняка будет проиграна? Решишься ли противопоставить себя Сорэйнье, не соглашаясь на ее посулы и уговоры? Помни, Денни, любое твое действие может привести к смерти Сорэйньи — или Летони.

По телу Денниса пробежала дрожь, горло словно сдавила ледяная рука. Безмятежный легкий образ Летони стоял перед его глазами. Но на ее месте немедленно возникла другая женская фигура, горделивая и сияющая в своих доспехах. Он просто не мог допустить смерти Летони. Но желал ли он — будь это даже в его силах — гибели Сорэйньи? Он судорожно сглотнул и кивнул головой:

— Хорошо, Уил. Я принимаю условия.

— Это лучший выбор для тебя, Денни! — сломанные пальцы Уила вцепились в его руку в дружеском пожатии. — И сейчас я передам тебе командование легионом времени.

— Нет, Уил, — запротестовал Деннис. — Я не заслужил такой высокой чести.

— Гирончи должен быть разрушен — вместе с Сорэйньей, — в глазах старого ученого вновь загорелся огонь, а искалеченные пальцы коснулись серебряного цилиндра. — Я сделаю свою часть работы. Но у меня нет задатков лидера. Слишком много времени я провел среди абстракций. Ты же человек действия, Денни, и оказался в нужном месте. Командовать тебе.

— Хорошо, сделаю все, на что способен.

Мак-Лэн торжественно отсалютовал.

— Спасибо, Денни. Предлагаю тебе сейчас же спуститься вниз и собрать своих ребят. Ты можешь предоставить им выбор — хотя это чертовски трудная штука. Либо они подчинятся командованию в твоем лице, либо мы вернем их туда, где обнаружили.

— Это означает — смерть?

Уил кивнул.

— Для них нет другого времени — пока они живы. Если мы выиграем, для тех, кто выживет, будет мир — Джонбар. Если же проиграем — нас ждет смерть в темнице Сорэйньи.

— Джонбар? — переспросил Лэннинг. — И я смогу туда отправиться? К Летони?

— Если выиграем, — ответил старый ученый. — А теперь, покаты разговариваешь со своими людьми, я попробую отыскать Джонбар в хроноскоп.

Лэннинг с жаром выдохнул:

— Можно мне…

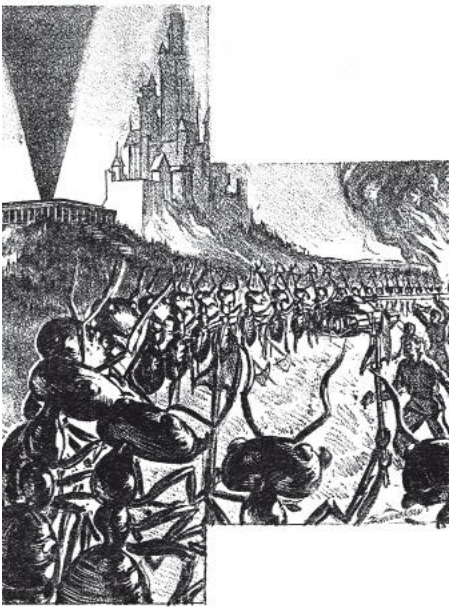
Глаза Уила посер ьезнели.

— Если я отышу Летони, непременно позову тебя, — обедал он. — Но найти Джонбар таг: непросто.

Лэннинг вновь вернулся на палубу и послал Барри Халлорана собрать команду. Стоя перед маленькой группой, видя любопытство в глазах людей, он напал так:

— Друзья, я только что от капитана Мак-Лэна, — в глазах людей он прочитал вспыкнувший, несколько тревожный, интерес. — Он собрал нас всех из разного времени, спас от неминуемой смерти. В свою очередь, он хочет, чтобы мы сражались за спасение будущего мира. Я знаю, что это очень хороший повод для сражения.

Он предложил мне командовать вами. Я должен предложить вам выбор — следовать за мной либо вернуться в собственное время — чтобы умереть. Простите, условия слишком жестоки…

— Жестоки? — закричал Барри Халлоран.

— Наин! — прогудел Эмиль Шорн. — Или мы безумцы — покидать Валгаллу?

— Вива! — присоединился Кресто. — Вива эль

капитан!

— Спасибо! — выдохнул Лэннинг. — Если мы победим, то для нас найдется местечко в Джонбаре. А теперь, если вы с нами, повторяйте за мной: «Я клянусь в своей лояльности Джонбару и обещаю служить не на страх, а на совесть в Легионе Времени»!

Семеро воинов, подняв правую руку, произнесли слова присяги, а затем, предводительствуемые Вилли Рэндом, выкрикнули: «Да здравствует Джонбар и капитан Лэннинг!»

Появился один из санитаров, и Лэннинг поспешил на мостик.

— Тебе удалось... — начал он на одном дыхании.

Уил Мак-Лэн покачал седой головой, указывая на хроноскоп.

— Я пытался, — прошептал он беззвучно, — Но враг снова пришел в движение. Еще один триумф Сорэйньи зафиксирован в пятом измерении. Джонбар еще на один шаг ближе к гибели. Изображение мерцало, а затем пропало. И пока я не смог добиться большего.

Взглянув на хрустальный экран, Лэннинг вновь увидел Гирончи. Но он странным образом изменился. Горделивая цитадель Сорэйньи, стоявшая

на холме, превратилась в груду покореженных металлических частей. Черная башня гиран стала огромнейшей кучей камней. Внизу, в долине, где были поля и поселения крестьян, простиралась заросшая травами и кустарниками пустошь, повсеместно изъязвленная белыми грудами пепла.

— Гирончи? — не поверил своим глазам Лэннинг. — Разрушен?

— Разрушен, — подтвердил Уил. — И разрушен собственной злобой. В результате финальной битвы между муравьями Сорэйньи и жрецами гиран. Эта битва, как ты видишь на экране, уничтожила все человечество.

Его скрежещущий шепот стал едва слышен.

— Если мы проиграем — и человечество пойдет по пути Гирончи, — тогда это тупик. — Он быстро нажал переключатель, и изображение исчезло. — И теперь, похоже, дорога выбрана. Ибо нет других достаточно мощных геодезических линий для следования.

Его руки беспомощно опустились. Лэннинг невидя-шим взглядом уставился в синюю бездну за стенами купола.

— Что же… — начал он. — Что произойдет?

— Не знаю, — ответил Мак-Лэн, качая головой. — Мы должны постараться узнать, что же

сделала Сорэйнья, и попытаться вернуть все назад. Если нам удастся добраться до Джонбара и новой геодезической лаборатории Летони…

Лэннинг схватил его за плечо:

— А мы сможем?

— Боюсь, что это движение настолько размыло местонахождение Джонбара, что нам попросту не добраться до него. Но мы попытаемся!

И искалеченные руки старого ученого легли на штурвал «Хрониона».

Глава 8
Исчезновение Джонбара

Борис Баринин уже встал с больничной койки. Следом за ним — двое канадцев: молчаливые сутулые близнецы Исаак и Израэль Эндерс, выхваченные у смерти в горах Вими в 1917-м. Вместе с Даффи Кларком, британским моряком с Ютланда, они довершили команду из одиннадцати бойцов под командованием Лэннинга. Он организовал из них два отделения, сделав Эмиля Шорна своим заместителем.

Уил Мак-Лэн собирал оружие. На корабле имелись десяток винтовок системы «Маузер», пара десятков пистолетов системы «Люгер», четыре авиационных пулемета, несколько япцгков ручных гранат и сотня тысяч единиц военного обмундирования, которое, наряду с запасами пищи и медикаментов, поступало с затонувших кораблей.

— Вот первое предостережение, — сказал Мак-Лэн. — Когда мы впервые вернулись из Джонбара, то расположились в торпедированном корабле, чтобы собрать провиант и оружие, а также про-

верить нашу технику возвращения. Знаешь, ведь оружие Джонбара не действует против целей, расположенных в Гирончи.

Так как помощники Мак-Лэна из Джонбара могли попасть в Гирончи, Лэннинг детально проинформировал Кларка, Баринина и Вилли Рэнда, как работает «Хронион», сам же обучился управлять кораблем — и все это происходило в то время, как корабль постепенно приближался к геодезическим линиям Джонбара. Водородный реактор бесшумно работал внизу, но Уил Мак-Лэн все еще не был доволен ходом событий.

— Мир, который мы ищем, ныне единственно возможный, — беззвучно шептал он. — Двигатели на полной мощности несут нас вперед, но слишком медленно. И в любой момент линии Джонбара могут прерваться, ибо они невообразимо слабы, и тогда мы останемся — нигде!

Однажды Лэннинг проснулся в своей тесной каюте в носовой части корабля: ему явственно привиделась Летони. Стройная и высокая в своем длинном белом одеянии, она стояла перед ним, держа сверкающий кристалл времени. На лице тень отчаяния, фиолетовые глаза переполнены болью.

— Денни, — звенел ее чистый мелодичный

голос. — Я жду тебя в Джонбаре. Поспеши — или мы все погибнем.

Лэннинг сразу отправился на мостик и все рассказал Мак-Лэну. Тот мрачно покачал головой:

— Мы и так уже делаем все возможное. Геодезические линии Джонбара напоминают микроскопические трещинки, что становятся все тоньше под разжижающим воздействием вероятности. Если поисковый луч собьется или они исчезнут, мы потеряем Джонбар.

Прошло две недели — по корабельному времени, измеряемому по всем биоритмам организмов, — во время которых жизнь текла своим чередом, невзирая на движение вдоль шкалы времени. И вот, наконец, «Хронион» медленно выскользнул из синей мерцающей бездны. И Лэннинг, напряженно всматривавшийся в эту мглу, увидел внизу — Джонбар!

Корабль летел на высоте двух миль. А метрополис будущего распространился во все стороны, насколько можно было видеть. Высокие здания, облицованные отполированным до зеркального блеска металлом, больше напоминали соборы. Они были разбросаны там и сям вдоль щедро зеленеющей долины вдоль широкой реки, а вдалеке виднелись лесистые шапки холмов.

Многоуровневые виадуки протянулись между холмами; их заполняли странного вида машины. Огромные объекты в виде серебристых капель сновали над ними в воздухе.

Лэннинг однажды уже видел город сквозь кристалл Летони, теперь же его бескрайние просторы наполнили душу благоговейным восторгом. Сотни миллионов людей живут здесь в этом великолепии, возвышающем дух. Но, несмотря на восхищение этим миром, воспоминание о страшном факте, об абсолютном уничтожении заставило его содрогнуться.

С дрожью нетерпения и благоговения он поспешил к Уилу Мак-Лэну.

— Значит, Джонбар в безопасности? — спросил он. — И Летони там?

Согбенный старик оторвался от штурвала и покачал головой.

— Мы здесь, — ответил он почти беззвучно. — Но наши приборы показывают, что геодезические линии уже исчезли. Они превратились в тонюсенькую сеточку, почти как паутинка. Но Летони, без сомнения, в своей новой лаборатории.

«Хронион» быстро скользнул к одному из высоких серебряных шпилей на холме. В стене открылась дверь. Маленький корабль вплыл в глубокое

помещение наподобие ангара, заполненное обтекаемыми транспортными средствами. Загоревшийся зеленый огонек указал им свободную платформу.

— Вот за этот мир мы и сражаемся, — сказал Лэннинг своим людям.

— Ах! — пробасил Эмиль Шорн. — Это хороший мир.

Оставив раненого пруссака командовать и предупредив его быть начеку в случае опасности, Лэннинг и Мак-Лэн покинули корабль. Лифт мгновенно вознес их наверх. Они оказались на открытом воздухе — он был прохладным — среди благоухающих зеленых садов. В одной из ярких стен отворилась дверь. И из нее вышла… Летони.

Вместо длинного белого одеяния, в котором Лэннинг обычно видел ее, на Летони был облегающий костюм, который мягко искрился синеватым блеском; синяя лента поддерживала волосы. Она больше не производила впечатления призрака. Всего лишь прекрасная земная девушка, не скрывающая радости от встречи с ним, хотя и пытавшаяся — он видел — скрыть свое трагическое отчаяние. Она быстро подбежала к нему по дорожке цветущего сада и протянула ему руки в страстном порыве. Лэннинг ощутил

странную дрожь: от ее прикосновения по телу пробежали мурашки.

— Денни Лэннинг! — прошептала Летони. — Наконец-то ты прибыл! Как же я рада…

Затем ее обеспокоенный взгляд упал на изуродованного Уила Мак-Лэна.

— Гирончи предпринял новую атаку, — сказала она ему. — Динон пытались принести из будущего предостережение, но они были отрезаны. Теперь кристаллы времени не показывают больше будущего. Эта ночь — последняя из возможных для Джонбара. Пока…

Глаза девушки остановились на лице Денниса.

— Пока не изменится поток вероятности.

— Я собираюсь в лабораторию, — Уил Мак-Лэн повернулся к двери. — Я пошлю за тобой, Денни, если мы что-нибудь обнаружим. Но тебе не стоит что-либо предпринимать, до тех пор, пока… мы не обнаружим, что сделала Сорэйнья.

Он заковылял прочь, оставив Лэннинга вдвоем с Летони.

— Как же ты можешь быть… ненастоящей? — Деннис с изумлением не сводил глаз с красавицы, стоящей посреди цветущего сада. — Какова разница между реальностью и таким твоим… образом?

Она замешкалась с ответом, слегка нахмурилась, раздумывая:

— Существует поток между вероятностью и определенностью, текущий через пятое измерение, — начала она объяснение. — Вероятности бесконечны, а реальность существует всего одна. Возможны многие конфликтующие друг с другом будущие миры, прошлое же одно, и оно закончено. Ответвления геодезических линий есть в любой точке неопределенности, но поток реализации должен всегда выбрать всего одно ответвление и перекрыть остальные. Все геодезические линии поглощают энергию, все возможные миры борются за выживание в реальности. Но энергия вероятности всегда должна отводиться от других могущих существовать миров, чтобы обеспечить создание мира единственного. Все остальные должны исчезнуть, ведь их вероятность становится равна нулю.

— И Джонбар… исчезает?

Она кивнула:

— Да… И я — вместе с ним. Мы были сотворены благодаря атомной энергии «Хрониона», принесшего вас на наше пересечение геодезических линий. Все мы — не более чем иллюзия вероятности, отражение того, что может быть — но

никогда не случится.

С этими словами она горделиво вскинула голову и улыбнулась — Лэннинг хорошо понимал, чего стоит ей эта улыбка.

— Что толку иллюзиям говорить об иллюзиях? — Теперь ее голос был почти веселым. — Ты не голоден, Денни? Собирай цветы для украшения стола. Будем обедать — в иллюзии.

Она сама установила маленький столик напротив склона горы. Внизу под горой расстилался зеленый парк. На отдаленных холмах возвышались другие серебристые здания. Солнце ослепительно сияло в безоблачном небе такой синевы, какую Лэннинг никогда прежде не встречал в своей жизни. Легкий ветерок навевал безмятежные думы.

— С тобой и с Джонбаром ничего не случится! — горячо прошептал Деннис. — Совершенство не может умереть!

— Может. Еще как может, — ее голос дрогнул. — Особенно когда целая пространственно-временная структура разрушена войной.

Лэннинг схватил ее руку.

— Летони, целых десять лет, с момента нашей первой встречи, я жил надеждой увидеть тебя. И теперь, если что-то может отбыть тебя у меня…

— Запомни, Денни, — девушка, дрожа, придвинулась ближе к нему. — Это последняя ночь Джонбара. Кристаллы времени не показывают завтрашний день.

Синева неба постепенно темнела, становясь фиолетово-лиловой, затем иссиня-черной. Дальние башни Джонбара сверкали, словно колонны огня. Тени заполнили террасу. От каких-то кустов, усыпанных цветами, исходил опьяняющий аромат. Сидя возле Летони, Лэннинг пытался — правда, безуспешно — забыть о нависшей над ней беде. Вдруг ее рука, лежащая в его ладони, напряглась, она часто испуганно задышала.

— Поздравляю! — раздался насмешливый голос. — Королева Ничего!

Лэннинг поднял глаза, вгляделся. Он увидел золотую раковину Сорэйньи. Она стояла в ней, выпрямившись во весь рост, гордая и ослепительная в своей малиново-алой кольчуге. Рядом с ней — высокий угловатый человек с мрачным лицом с темными горящими глазами и суровой линией рта. Должно быть, Гларат, верховный жрец гиран, подумалось Лэннингу. Глубоко посаженные глаза жреца злобно сверкали, а зеленые очи Сорэйньи выражали насмешливое любопытство.

— Хорошенько насладись ее поцелуями, по-

ка можно, Денни Лэннинг, — наставительно сказала она. — Ибо мы обнаружили высший ключевой фактор. Ты больше не нужен мне, Денни Лэннинг, — Гларат, вместе с гиран, занял место, которое я предлагала тебе. И битва уже выиграна.

Заросшая черными волосами рука жреца собственническим жестом сжала ее обнаженное плечо. Он издал несколько нечленораздельных звуков, и глаза его, казалось, испепеляли Лэннинга, столько в них было ненависти. Сорэйнья обнажила тонкую золотую шпату и взмахнула ею, описав сверкающий полукруг над темным городом. А потом прильнула к плечу темного жреца.

— Прощай, Денни Лэннинг, — крикнула она. — И берегись! Весь Джонбар — и этот призрак в твоих объятиях — растают, как утренний туман. Мы прибыли, чтобы полюбоваться, как все кончится.

Она поцеловала острие шпаги и взмахнула в его сторону, как будто посылая ему воздушный поцелуй. Нажала пальцем ноги невидимую кнопку, и раковина, поднявшись в воздухе, растворилась в ночи.

Бледная, дрожащая, Летони вскочила на ноги.

— Пойдем в лабораторию! — голос ее звучал едва слышно. — Я боюсь — боюсь, что все пропало!

Лэннинг последовал за ней в открывшуюся дверь. За ней находился просторный зал. Бесконечные столы, сотни мужчин и женщин, занятые работой на чем-то, напоминающем приборы для математических расчетов. Другие, в дальнем крыле, смотрели в огромные кристаллы наподобие тех, что был у Летони. Они стояли в дверях, когда Лэннинг увидел Мак-Лэна, ловко ковылявшего им навстречу.

— Назад, Денни! — беззвучно кричал старый ученый. — Возвращаемся на корабль. Джонбар исчезает!

Лэннинг потянул за собой Летони на подъемник. Мак-Лэн втиснулся следом. Клетка лифта понеслась вниз, к ангару. Лэннинг крепко прижимал к себе девушку.

— Дорогая, ты полетишь с нами, — шептал он.

— Нет, Денни, — Летони покачала головой. — Я часть Джонбара.

В отчаянии она обвила его шею. Он поцеловал ее.

Лифт остановился. Деннис поймал руку Летони и вместе с ней побежал к «Хрониону». Впереди слышался радостный гул людей, столпившихся

вокруг корабля времени и усыпавших цветами его палубу. Маленький Жан Кверард стоял на палубе и произносил речь.

Но вдруг все вокруг стало светиться странным бледным светом: люди в толпе, каплевидные корабли и стены строений — они словно таяли, превращаясь в серебряный туман. Только «Хронион» оставался неизменным и материальным. Лэннинг подпрыгнул.

— Скорее, дорогая, — простонал он.

Но пальцы Летони выскользнули из его руки. Он остановился и увидел ее рядом, но уже бесплотную, напоминающую призрак. Тень девушки кивнула в сторону корабля: спеши! Он пытался схватить ее, но она ускользнула. И исчезла.

Мак-Лэн догнал его. Лэннинг еле сдерживал рыдания, борясь с оглушительной болью. Какой смысл спасаться, если Летони больше нет?

Теперь все краски погасли, вокруг корабля царило знакомое синее мерцание. Он увидел, как Уил карабкается по лестнице. Почва уходила из-под ног. Здания рушились, превращаясь в пыль. Последний элемент здания исчез. Джонбар больше не существовал. Внизу, посреди бесконечной ночной пустоты, лежала лишь бескрайняя черная равнина. Лэннинг упал на нее, и холодный

ветер жалобно завывал над ним.

— Прощай! — раздался насмешливый пронзительный голос, и Лэннинг увидел золотую раковину, пролетавшую над ним, Сорэйнью и Гларата, возлежавших на шелковых подушках. Он бросился было им вслед, задохнувшись от ветра.

Но тут за его спиной загорелись огни «Хрониона». Хрустальное орудие испустило желтый луч, и Лэннинга притянуло к ограждению палубы. Барри Халлоран бережно внес его на борт.

Глава 9
Геодезические линии Гирончи

Уже через секунду корабль вернулся в синюю бездну безвременья, прокладывая путь сквозь мерцание вероятностей. Лэннинг поспешил присоединиться к Уилу Мак-Лэну в его хрустальном куполе, задав терзавший его вопрос:

— Летони… умерла?

— Не умерла, — Мак-Лэн остановил на нем печальный взгляд. — Она никогда и не рождалась. Джонбар был всего лишь вероятностью будущего, которую мы высветили на мгновение с помощью темпорального луча. Последний триумф Сорэйньи растворил геодезические линии, что могли привести к существованию Джонбара. Так что и отражение исчезло.

— Сорэйнья, — выдохнул Лэннинг. — Что она сделала? — Он схватил Мак-Лэна за изуродованную руку. — Ты обнаружил… что-нибудь?

Старик медленно кивнул.

— В последние минуты перед исчезновением лаборатории…

— Да? — проявлял нетерпение Лэннинг,

— Минуточку, мальчик мой, — прошептал Уил. — Похоже, что жрецы гиран смогли почерпнуть гораздо больше из своего осмотра «Хрониона». Золотая раковина Сорэйньи, как тебе известно, всего лишь спроецированный темпоральный образ. Но сейчас Гларат уже построил настоящий корабль времени.

— Да?

— Он тяжелее «Хрониона» и оснащен для ведения военных действий. И укомплектован целой ордой антропоидных муравьев Сорэйньи.

— И они использовали его против Джонбара?

— Они вернулись в прошлое, — звучал еле слышный голос старого ученого. — Назад, к поворотной точке вероятности. И там обнаружили нечто — скорее всего, какой-то маленький материальный объект, несмотря на то что нам он не встречался — с которого началось основание Джонбара. Используя энергию гиран, они смогли вынести этот предмет из его времени. Разорванные геодезические линии привели к исчезновению Джонбара.

— Что стало с предметом?

— Они спрятали его. Захватили с собой в Гирончи. И теперь держат под стражей в крепости Сорэйньи.

— Под стражей? — эхом отозвался Лэннинг. Он стиснул пальцы в страстной надежде, глаза его встретились с глазами Мак-Лэна. — Получается, если мы сможем… вернуть его… это поможет Джонбару?

Он в отчаянии вцепился в плечо товарища:

— Можем ли мы… вернуть Летони?

— Да, — старик коротко кивнул белоснежной головой. — Если нам удастся вернуть предмет, обнаружив, где они его содержат, и воспрепятствовать Сорэйнье снова выкрасть его до того, как минует ключевой момент в пятом измерении — о, тогда Джонбар снова станет возможным.

Кулак Лэннинга с силой вдавился в ладонь:

— Тогда мы должны сделать это!

— Да, — мягко прошептал Уил. — Должны. — В его погасших глазах зажегся свет, он почти ласково коснулся руки Лэннинга. — Именно для выполнения этой миссии мы собрали твой легион, Денни, — хотя детали стали нам ясны лишь сейчас.

— Хорошо. Двинулись! — отозвался Лэннинг.

— Сейчас мы восстанавливаем разорванные линии из Джонбара в твое собственное время, — сообщил ему Мак-Лэн. — Там мы сможем нащупать ответвления, ведущие в Гирончи, и

проследовать по ним, чтобы отыскать предмет.

— И пусть Сорэйнья только высунет нос!

Но Мак-Лэн снова поймал руку Лэннинга, резко сжав ее.

— Но я должен предупредить тебя, Денни. Не питай слишком больших надежд — нам следует соблюдать крайнюю предосторожность. Обстоятельства против нас. Нас всего дюжина против целого Гирончи. И помощи от Джонбара ждать не приходится. Даже наши врачи исчезли вместе со всем городом.

— Мы должны победить их, — пробормотал Лэннинг. — Просто обязаны.

Но что-то заставило его взглянуть в горящие глаза Мак-Лэна.

— Прошло тридцать лет с тех пор, когда я впервые увидел Сорэйнью, — старик говорил будто бы сам с собой, рассеянно касаясь серебряного брелока на шее. — Величественное сияние, которое сопровождало меня сквозь годы. Я… любил ее.

Из глаз брызнули слезы, из горла вырвался сдавленный звук.

— Пятнадцать лет прошло с того дня, когда я понял, какой она демон. Я ненавидел Сорэйнью! Она одурачила меня, истязала, нанесла страшные увечья, которые я буду носить до конца своих

дней! Она… она… — он словно задыхался. — Но я по-прежнему — несмотря на все чудовищное зло, что она несет в себе — не могу убить Сорэйнью. Да и найдется ли такой мужчина?

Лэннинг сжал кулаки.

— Я видел ее, — проскрежетал он. — И не знаю. — Он внезапно вскочил и заходил по комнате, движимый внутренним кипением. — Но мы должны спасти Джонбар.

— Мы должны, — подтвердил искалеченный Сорэйньей человек. — Если сумеем.

Прошла неделя по корабельному времени, когда приборы зарегистрировали 1921 год.

— Здесь последние оборванные геодезические линии Джонбара соединяются с реальностью. В том году, если это только возможно, мы сможем найти отрезок нового конуса вероятности, сформированного, когда Гларат вынул объект из его времени — если вообще сможем вернуться для поиска.

«Хронион» резко вынырнул из мерцающей синевы высоко над блестящими водами Тихого океана, там, где округлая линия зеленого атолла граничила с нежноголубой лагуной. А через мгновение они снова были в пути, пробираясь сквозь скопление вероятностей, отыскивая гео-

дезический след Гирончи.

Лэннинг и Шорн муштровали команду на палубе, когда их атаковали, и произошло это совершенно неожиданно. Маленький юркий Жан Кверард, всмотревшись вдаль, завопил не своим голосом:

— Гран дье! Да это же адский корабль!

Обернувшись, Лэннинг заметил черную тень, упавшую на голубизну. Она исчезла, затем появилась снова, стала реальной. Корабль из Гирончи!

Длиной в три «Хрониона», гигантская машина была основательно вооружена. По краям имелись две мощных квадратных пластины, светившихся таким же зеленоватым светом, как диски на «Хронионе». Со всех сторон торчали черные зловещие орудия, а палубу заполняла орда вооруженных людей-муравьев, питомцев Сорейньи. Находившемуся на высоком юте Лэннингу показалось, что он заметил мелькнувшую тень Гларата в черной мантии. Но затем все исчезло. Из проецирующей трубы вырвался странный белый луч. Двухфутовый кусок борта «Хрониона» ярко вспыхнул и взорвался, на его месте остались лишь клубы дыма.

— Снижаемся! — командовал Лэннинг. — Стреляем по цели! — И, обращаясь к Шорну: — Приго-

товить «максимы»!

Но что могут сделать пули против такой чудовищной энергии? Он побежал к переговорному устройству, дабы связаться с Мак-Лэном.

— Уил! — простонал он. — Что нам делать?

За его спиной снова ударил белый луч. Израэль Эндерс, упав на колени, корчился от боли посреди дымящихся обломков. И кричал — то был настоящий крик агонии. Он был весь охвачен пламенем: горели одежда и плоть, плавился металл.

С ответным криком, повторившим крик брата, Исаак Эндерс зарядил пулемет и теперь вовсю палил в монстров Сорэйньи, целящихся в них из ружей. Их пули изрешетили обшивку «Хрониона».

Наконец, до слуха Лэннинга донесся скрежещущий шепот:

— «Хронион» не является боевым кораблем. Нам не справиться с лучом гиран.

— И что теперь?

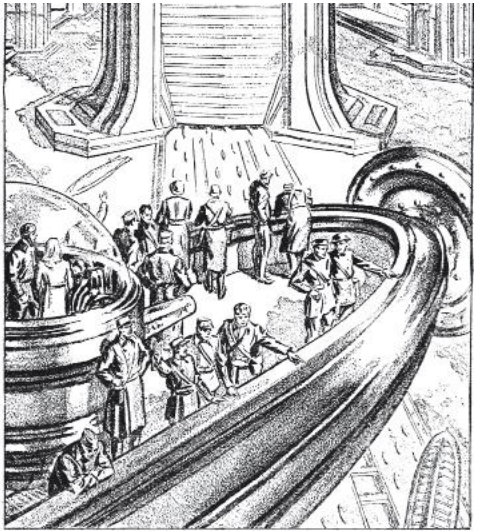
— Обогнать их! Это единственная надежда. «Хронион» легче. Оставим их с носом! А я попытаюсь…

Полуослепший от крови, вытекавшей из раны у него на лбу, австриец фон Арнет пытался справиться со своим помятым «максимом». Лэннинг

подбежал к пулемету, обжег пальцы, но все же сумел нацелить его на порт, из которого бил разрушающий луч.

Он стрелял по черной броне корабля, но тот все приближался. Еще одна пуля из ружья гигантского муравья просвистела рядом с ним. И вновь ударил белый луч, разрушив один из «максимов». Билли Рэнд, сидевший за пулеметом, со стоном покатился по палубе в горящей одежде.

Так больше не могло продолжаться! Содрогнувшись, Лэннинг вставил новую ленту в пулемет. Несколько муравьев у пали замертво, но битва по прежнему была безнадежна. Он прислушался. Правда ли, что гудение реактора стало налного быстрее, или ему только кажется?

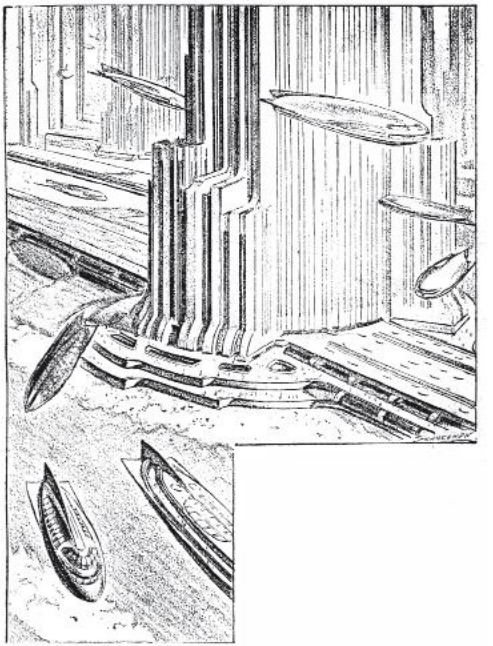

Огромный черный корабль приблизился снова, готовясь произвести выстрел. Размахивая золотыми топорами, люди-муравьи столпились на палубе. Вероятно, готовятся взять «Хронион» на абордаж. Лэннинг склонился к «максиму», чтобы задать им перцу. Но толстая черная труба нацелилась прямо на него. У него остановилось дыхание. Вот сейчас смертоносный луч ударит прямо в него! Ослепительная вспышка перед глазами… Но вражеский корабль неожиданно исчез.

Лэннинг почувствовал, как нагрелся его пулемет, и поспешил к переговорному устройству.

— Уил! — позвал он.

— Мы сумели обогнать их, Денни, — послышался почти беззвучный голос Уила. — Думаю, нам удалось оторваться от них внутри измерения времени. Они будут в Гирончи почти следом за нами и сумеют предупредить об опасности. И мы к тому же потеряли — скольких?

Лэннинг обернулся, чтобы проинспектировать палубу, превращенную в поле битвы. Высокий канадец с мрачным лицом стоял на коленях рядом с дымящимися останками своего брата, всхлипывая. Барри Халлоран перевязывал раны фон Ранета. Вилли Рэнд в дымящейся одежде на ощупь брел по палубе. Лэннинг увидел его

глаза и содрогнулся от ужаса. Широко открытые, выделяющиеся на обожженном красном лице, они были абсолютно белыми, слепыми от воздействия луча.

— Израэль Эндерс мертв, — докладывал он Мак-Лэну упавшим голосом. — Фон Арнет ранен. Рэнд ослеп. Один «максим» выведен из строя этим жутким лучом…

— Это гиран, — прошептал Мак-Лэн. — Обстоятельства против нас, Денни. Мы должны всеми силами избежать новой битвы — если получится. Но теперь они предупреждены…

И шепот оборвался, полный отчаяния.

Завернутые в покрывало, на которое пошли небольшой канадский флаг и знамя Джонбара с серебряной звездой, останки Израэля Эндерса и его испорченная винтовка были преданы сверкающей бездне временного измерения, откуда со скоростью корабля прибудут в отдаленное будущее.

Палубу очистили, вымыли от крови, сломанные перила восстановили. Оружие починили и привели в порядок. Атомный реактор весело гудел, пластины полюсов светились зеленым, и «Хронион» мчался сквозь поток вероятности к Гирончи.

Эрик фон Арнет встал с больничной койки с новым шрамом, пересекающим лоб. Попросив «маузер» со сломанным затвором, Вилли Рэн долгими часами сидел на палубе с забинтованной головой, начищая и без того сверкающий штык и пробуя курок большим пальцем.

На капитанском мостике Лэннинг и Уил Мак-Лэн наблюдали за хрустальным блоком хроноскопа, используя темпоральный луч для сканирования Гирончи, подыскивая лучший момент для приземления. Однако, им не удалось заглянуть непосредственно в цитадель Сорэйньи, дабы обнаружить искомый предмет.

— Еще одна хитрость гиран, — проговорил Мак-Лэн. — Наложение полей в стенах из металла защищает от темпорального излучения. — В его глубоко посаженных глазах вспыхнул огонек. — Но я знаю расположение крепости Сорэйньи. При помощц Летони, когда мы планировали побег, я изучил каждый дюйм этого пространства.

Его сломанные пальцы указали на крепость на карте.

— Хранилище, где Сорэйнья хранит свои сокровища, находится в восточной башне. Достичь его можно только через потайную дверь в личных апартаментах Сорэйньи. А главный вход, через

который ты должен будешь войти, охраняется сотней вооруженных воинов. Битва будет ужасной, — добавил он. — Любой момент решает судьбу всех нас.

И, наконец, настал тот самый момент, когда он повернул штурвал, назвал шифр и остановил корабль времени в Гирончи.

Глава 10
В цитадели Сорэйньи

На закате сумрачного дня «Хронион» впервые сделал остановку в мире Сорэйньи. Небольшие поля, широкая река, чьи воды серебрятся в вечернем свете, жалкие деревушки — и тут же черное пепелище, где раньше стояла сожженная деревня. На заднем плане два холма с башней гиран и цитаделью Сорэйньи.

Стоя на палубе, Аэннинг в бинокль изучал крепость. Мрачная громада из практически несокрушимого малиново-алого сплава, она представляла собой твердыню династии Сорэйньи в течение, как он узнал благодаря хроноскопу, пятисот лет. Двадцатки вооруженных бойцов, сверкавших золотым и алым оружием, сменялись в карауле у высоких зубчатых стен. И еще Лэннинг увидел нечто напоминающее пушку, установленное над стенами — дюжину толстых черных трубок, проецировавших луч гиран.

— Готт ин Химмель! — прогудел басом Эмиль Шорн. — Эта штука, что мы ищем, находится в замке, правда? Похоже, нам предстоит разгрызть

крепкий орешек!

— Верно, — подтвердил Лэннинг. — Один промах, и с нами покончено. Так что лучше не промахиваться. — Он протянул бинокль пруссаку. — Мы расположились здесь лишь для того, чтобы осмотреться при дневном свете, — быстро объяснил он. — Нам нужно приземлиться после полуночи вон на том уступе, за которым начинается обрыв на севере, видишь его?

— Йаа!

— Сама Сорэйнья тогда отправится навестить Гларата в его башне — мы узнали это при помощи хроноскопа. И ее стражи в этот час, пожалуй, утратят бдительность. Наша посадочная партия должна будет вскарабкаться на маленький балкончик, где висят скелеты…

— Ах, Готт! Как бы у нас голова не закружилась!

— Маленькая дверь на балконе ведет внутрь темницы. Уил Мак-Лэн в свое время вырезал ключи от ее дверей. Мы войдем в темницу и попытаемся достичь великого зала наверху. Все ясно?

— Йаа. Ясно, как сама смерть.

Лэннинг протянул руку Уилу в его хрустальном куполе, и «Хронион» вновь заскользил в тенистых

сумерках времени. Партия на высадку собралась на передней палубе. Угрюмая, молчаливая компания — кроме Барри Халлорана, пытавшегося заставить их объединиться при помощи студенческого клича Джонбара. Исаак Эндерс и фон Арнет должны были нести два «максима». Кресто и Куртни-Фарр упаковали пятидесятифунтовые треножники. Остальные нагрузились альпинистскими «кошками», ружьями, гранатами и прочим снаряжением.

Борис Баринин установил оставшийся пулемет для защиты корабля. А ослепший Вилли Рэнд тихонько сидел позади него, попыхивая сигаретой и затачивая штык своего сломанного оружия.

«Хронион» погрузился в темноту сырой ночи. Теперь ошеломляющая громада цитадели выглядела неясным скоплением теней, в то время как корабль времени безмолвно скользил к высокому скальному выступу. Холодный дождь барабанил по палубе, злой ветер завывал вокруг крепостных стен.

Совершенно бесшумно корабль приземлился среди приземистого неказистого кустарника на площадке.

Свесившись вниз с мостика, Уил Мак-Лэн протянул Лэннингу три белых ключа, вырезанных

из человеческих костей.

— Эти — от двери на балкон, — прошептал он. — А эти — от дверей темницы. И еще от внутренних ворот. Но от хранилища ключа нет — придется вам искать другие способы, — его сломанные пальцы с силой сжали запястье Лэннинга. — Я сказал тебе все, что мог, Денни. Пройдешь через тюрьму, где я просидел десять лет. Мы все туда загремим, если тебе не повезет. Так что не подведи!

Вооруженный «маузером», мотком веревки и связкой гранат, Лэннинг перелез через борт и вскарабкался на скальный уступ. Покрытый мхом склон был мокрым и скользким. Он вздрогнул от холода. Ледяной ветер пробирал его до самых внутренностей. В темноте ничего не было видно, кроме неясных шевелящихся теней; придется карабкаться на ощупь.

Зазубрины гранита резали ему пальцы, могильный холод сковывал их. Он быстро скользнул, уцепился за острую скалу, обдирая пальцы. Целое мгновение длиной в вечность он провисел на одной руке.

Но потом ему удалось прийти в себя и взобраться выше. Наконец, он подошел к маленькому коренастому дубку, хорошенько закрепился в

расселине, которую высмотрел в бинокль. Бросил на вершину веревку, проверил ее прочность и кинул моток людям внизу.

Забрался на дерево. Ледяные порывы ветра хлестали его по лицу. Потоки дождя заливались за воротник. Над головой промелькнул бледный свет, и он похолодел при мысли, что может быть обнаружен.

Он забросил еще один моток веревки на следующую скалу, снова бросил вниз и снова забрался. Дрожа от напряжения, он, наконец, очутился на узком каменистом уступе, где площадка из камня переходила в площадку из алого металла. Вставив штык в расселину, он закрепил новый моток. И начал медленно, дюйм за дюймом, преодолевать расстояние, когда услышал внизу сдавленный крик. Он содрогнулся. Долгая тишина. Где-то далеко внизу раздался шорох. Он содрогался, ожидая. Над крепостными стенами ужасающе завывал ветер, все еще в сотнях футов над головой. Никакой тревоги не прозвучало. Он продолжал ползти на четвереньках.

— Ах, Готт, — раздалось приглушенное бормотание. — Чертова темнота — хоть глаз выколи!

Эмиль Шорн поднимался по веревке следом за ним, вот он уже ступил на площадку. Они

подошли к маленькому балкончику из ржавого металла. Над ним были установлены орудия. Сквозь открытую потайную дверь, спускаясь вниз, развевалась на ветру веревка, а с нее свисали человеческие кости.

Пока Лэннинг старался открыть костяным ключом металлическую дверь, подтянулись и другие люди, один за другим, все как один стуча зубами от холода — все, кроме австрийца, фон Арнета.

— Мадре дель Диос, — вздрогнул испанский летчик, Кресто. — Он упал за моей спиной и закричал. Должно быть, разбился в лепешку на этих камнях. И теперь у нас только один «максим».

Толстая металлическая дверь внезапно скользнула в сторону, и из открывшегося проема пахнуло смрадным воздухом темницы Сорэйньи. Запах немытого тела, человеческого горя, бесконечного ожидания и смерти, смешанный с едким зловонным запахом антропоидных муравьев. Стиснув зубы, чтобы удержать подступающую рвоту, Лэннинг повел отряд вперед.

В темнице не было света. Денис прокладывал свой путь на ощупь сквозь узкие проходы в скалах, считая шаги, вспоминая повороты, о которых рассказывал Уил. Но вот наконец тусклый свет гнилушки позволил рассмотреть стены и пол.

Внутри клеток он увидел жалкие человеческие фигуры, искалеченные, ослепшие, едва живые, распростертые среди костей, светящихся тусклым синеватым светом.

Зловещая тишина охватила тюрьму. Лишь в одной из клеток раздавались громкие крики и шум ударов. Лэннинг заметил гигантских крыс, боровшихся за неподвижное тело в цепях.

В другой камере до крайности истощенное человеческое существо впилось зубами в свое запястье, и капли крови полились на землю. Он сжался, прислушался, а потом снова и снова пытался связанными руками отгонять крыс, явившихся за добычей.

— Клянусь честью! — выдохнул британский летчик, Куртни-Фарр. — Когда мы встретим эту дьяволицу, она за все заплатит. С лихвой!

Лэннинг остановился у поворота и едва слышно прошептал:

— Ребята, будьте готовы!

Позвякивая оружием, четверо воинов Сорэйньи шли вниз по коридору. Черные гиганты восьми футов высотой, их огромные фасеточные глаза горели в темноте, подобно зловещим драгоценностям. Отвратительные, чудовищные насекомые, и в то же время мерзкие подобия людей.

— Штыки, — шепнул Лэннинг. — Никакого шума.

Но его собственный штык остался в расселине, на нем держалась веревка. Он выхватил ружье прикладом вперед и, прыгнув, нанес удар по бронированному черепу. Захваченные врасплох, монстры отступили назад, хватаясь за оружие.

Они были немыми, как будто их создатели пожертвовали речью в обмен на неуязвимость. Но маленькие красные коробочки, встроенные в их головы, могли быть коммуникаторами. Из одного из них торчал черный сегмент. Он нанес сокрушительный удар прикладом прямо по сегменту, чтобы вывести его из строя.

Уродливые существа схватили «маузер» за ствол, изготовленный из твердого дерева. Могучий удар золотого топора обрушился на ружье. Лэннинг отлетел назад с обломком ружья, но удар плашмя пришелся по голове и погрузил его в огненную тьму.

Он лежал на полу, неподвижный и даже как будто расслабленный. В виске бушевал пожар. При этом полностью сознание Денис не потерял. Он видел причудливой формы конечности напротив своего лица, покрытые какой-то гадкой слизью. В ноздри бил омерзительный резкий

запах, перекрывающий вонь из клеток. Монстры сражались бесшумно, но их тела издавали странные щелчки и скрежет.

Солдаты Лэннинга обнажили штыки, но оружие казалось смехотворно маленьким против гигантов. И на эффект внезапности надеятся было нечего.

— Виве Джонбар! — выдохнул Кресто. Своим штыком он фактически обезглавил ближайшего монстра. Но живучесть насекомого сыграла злую шутку. В течение нескольких секунд безголовое тело продолжало двигаться, и его желтый топор вонзился прямо в череп испанца.

— Пор Диос…

Его костлявое тело еще по инерции пролетело вперед, и он успел вогнать штык глубоко в бронированную грудь. Тем временем Эмиль Шорн вовсю полосовал еще одного оставшегося монстра с такой силой, что того отбросило назад. Барри Халлоран не отставал, рубя напропалую. И тут битва закончилась.

Барри помог Лэннингу подняться на ноги; тот минуту постоял, пошатываясь, стараясь обрести контроль над телом. Куртни-Фарр извлек фляжку с коньяком и плеснул ему на висок, отчего Лэннинга словно обожгло огнем, а также дал выпить

глоток. В голове у Денниса прояснилось. Схватив ружье Кресто, он начал пробираться вперед следом за Эмилем Шорном.

Вытянутая рука и предостерегающий шепот остановили его в темноте. Сквозь массивные решетки впереди пробивался зеленоватый свет. Он прокрался следом за Шорном и заглянул в длинное помещение для охраны.

В помещении расположились человек десять-двенадцать воинов, и в нем стоял крепкий кислотный смрад, источаемый их телами. Несколько охранников, сидя за низким столом, посасывали какие-то губки, окуная их в емкость с красноватой жидкостью. Две пары начищали друг другу черные тела. Другие полировали боевые топоры и толстые красные ружья. А один, в темном мрачном углу, творил странную пародию на человеческую молитву.

— Никакой надежды на то, чтобы пройти незамеченными, — выдохнул Лэннинг на ухо Шорну. — Придется пробираться через них. Со всем, что у нас есть.

Он работал над замком, а ключ из кости был таким хрупким! Исаак Эндерс и Куртни-Фарр за его спиной прилаживали «максим», устанавливая его на треножник, а дуло просовывая сквозь

прутья решетки. Замок тихо щелкнул. Лэннинг кивнул Шорну и начал медленно открывать дверь.

Фасеточные глаза сидящего в отдалении гиганта сверкнули, когда они двинулись вперед; он вскочил, забыв про молитву, тут же потеряв все свое сходство с человеком. В комнате послышалось электрическое потрескивание.

— Ну же! В бой! — скомандовал Лэннинг.

— Аллонз! — эхом отозвался Жан Кверард. — За вас, мой капитан!

Внезапно застрочил пулемет, наполнив комнату синим дымом; пули отскакивали рикошетом. Лэннинг распахнул дверь пошире и, сопровождаемый Шорном, Кверардом и Барри Халлораном по диагонали пересек помещение, чтобы достичь другого выхода.

Видно, этих монстров специально выводили с необычайным запасом жизненной силы. Даже сраженные пулями, они умирали не сразу. Под пулеметным огнем они смогли схватиться за оружие и разделиться на две группы у обоих выходов. Куртни-Фарр захлопнул дверь тюрьмы, чтобы защитить Эндерса и его орудие, заблокировав замок своим штыком. И чудовища под пулями наконец-то начали падать.

Оборона второго выхода оказалась, к сожалению, не столь успешна. Лэннинг и его компаньоны встретили муравьев гранатами и ружейными выстрелами. Двоих из семи тут же разорвало на куски взрывом, еще один получил серьезные травмы. Еще четверо продолжали наступать, вращая топорами, навстречу штыкам. Раненый монстр отступил назад, чтобы перезарядить ружье, и тут залп «максима» уничтожил его.

Но маленький Жан Кверард, шатаясь, пробирался вперед, и кровь хлестала из раны на груди. С дрожащими коленями он какое-то время держался прямо, выставив штык, и монстр наткнулся прямо на него. Звонким голосом маленький француз повторял:

— Ал-лонз! Джонбар!

А потом он упал — прямо под ноги умирающему гиганту.

Лэннинг послал три пули в голову одному из врагов, а затем добил ударом штыка в грудь. Шорн покончил еще с одним. Но третий рассек ружье Халлорана одним ударом топора, ухватился за него мощными челюстями и стремительно дернул. Лэннинг зарядил новую обойму в «маузер» и выстрелил. Но чудовище упало на пол, встало на шесть лап и быстро умчалось прочь.

Барри Халлоран, пошатываясь, поднялся на ноги. Его рубаха оказалась разорванной, и из ран на груди и плече сочилась кровь.

— Прости, Денни! — простонал он. — Я пытался задержать их!

— Хорошая работа, парень! — поддержал его Лэннинг, бегом бросаясь открыть дверь для Фарра и Эндерса с пулеметом.

Но тут где-то наверху раздался могучий звук бронзового гонга, возвещающий о тревоге, и раскатился по всем помещениям цитадели Сорэйньи, долго не стихая.

Глава 11
За алмазным троном

Пятеро оставшихся в живых, Фарр, Эндерс, Халлоран, Шорн и Лэннинг бегом, схватив ружья наперевес, достигли длинной лестницы и через маленькую дверцу попали в дальний конец церемониального зала Сорэйньи, где и гудел гонг.

Зал был просто гигантским. Черные прямоугольные колонны выделялись на фоне стен из красного металла, а между ними стояли колоссальные статуи из золота — без сомнения, то были воинственные предки Сорэйньи, в доспехах и при оружии.

Свет, отражавшийся от высокого свода над головами, был зловеще-красным. Основная часть помещения оказалась пустой. Далеко впереди, на другом конце зала возвышался величественный алмазный трон — тот самый, который Сорэйнья однажды предлагала Лэннингу, как, впрочем, и Уилу Мак-Лэну.

Огромный гонг висел на тяжелой цепи рядом с троном и представлял собой сорокафутовый диск алого металла. Два монстра, казавшиеся

маленькими в этом гигантском зале, колотили в него, как безумные. А небольшая армия их собратьев (Лэннинг насчитал тридцать особей) уже толпилась рядом.

— Быстро! — прорычал он. — Давайте «максим»! — Он помог установить пулемет и прошептал Шорну: — Мы должны пройти через них — и еще вернуться назад! Дверь в спальню Сорэйньи находится позади трона.

Мы попадем в хранилище через потайную дверь, что находится за кроватью.

— Дьявольские создания! — пробормотал Исаак Эндерс. Его худое лицо представляло собой суровую горестную маску, пока он вставлял ленту в пулемет. — Убили моего брата!

Пулемет изрыгнул огонь, и линия антропоидных муравьев поредела. За его спиной Фарр и Барри Халлоран заряжали ружья. Лэннинг и Шорн бросили гранаты.

Воздух вокруг тварей вспыхнул. Их тяжелые ружья производили лишь одиночные выстрелы. Они были тяжелого калибра, но ограниченного радиуса действия. Большинство пуль летело во все стороны, отскакивая от металлических стен. Но одна попала-таки Эндерсу в лоб.

Он упал как подкошенный, рядом с «макси-

мом», раскинув руки. На мгновение его суровое лицо окрасилось изумленным выражением, но его тут же залила густая кровь. Слабеющим голосом он выкрикнул:

— Израэль!

И тело его, содрогаясь в агонии, соскользнуло прямо на орудие.

Куртни-Фарр оттащил тело в сторону и сам сел за пулемет. Воины-муравьи несколько замешкались с прибытием в зал. Или это время растянулось из-за насыщенности событиями… Лэннингу сделал глубокий глоток здешнего чистого воздуха. Интересно, как же им удастся попасть в хранилище, не зная кода? И еще: вскоре после сигнала тревоги вернется Сорэйнья, а вместе с ней — большинство воинов, которые заблокируют все выходы и не дадут им скрыться.

Несколько врагов зашаталось и упало. Еще несколько были разорваны гранатами на куски. Но большинство из них продолжало двигаться к дверям, выставив малиново-алые ружья, вращая золотыми топорами.

Четверо людей ожидали, стоя в ряд в дверном проеме, в то время как «максим» собирал свою смертоносную жатву. Шорн кинул последнюю гранату, когда черные солдаты были уже ярдах в

десяти от них, и приготовил штык. Оставив пару гранат про запас, Лэннинг прицелился из ружья, чтобы защитить пулемет.

Трое из передовых муравьев зашатались и рухнули. Но остальные неумолимо приближались, словно сама смерть. Громадные насекомые, облаченные в черный хитин, но еще более зловещще из-за человеческих черт; глаза горят кровавым огнем, топоры звенят.

«Маузер» Лэннинга щелкнул, дав осечку. Пуст. Он прыгнул вперед, и штык вспорол бронированную грудную клетку. Но золотой клинок другого монстра рубанул по прикладу, выбив ружье из рук Дениса. Сила удара была такова, что Лэннинг отлетел к стене.

Одна рука полностью онемела и ничего не чувствовала. Левой рукой он потянулся к «люгеру» на поясе, упал на колени и выпустил веер разрывных пуль навстречу отвратительно смердевшим насекомым.

Еще одна тварь схватила ружье Эмиля Шорна, и пруссак упал в кучу монстров. Они наступили на пулемет своими огромными лапами. Гигантские челюсти сомкнулись прямо на шее Куртни-Фарра, откусывая белокурую голову. Пулемет резко замолчал, и в жуткой тишине раздался треск

ломавшейся шеи.

— В бой! — послышался голос Барри Халлорана. — Бей их!

В припадке ярости рыжеволосый гигант прыгнул на двух муравьев, копошившихся возле пулемета и обезглавленного тела британца.

«Люгер» тоже опустел. Лэннинг бросил его, потянулся к ружью, лежавшему на полу, и вскочил, чтобы успеть встретить вторую шеренгу атакующих. Если бы ему удалось сдержать их, Барри сможет перезарядить «максим»…

Бессловесные гиганты сжимали кольцо вокруг него. Но, к счастью, его онемевшая рука снова вернулась к жизни. И он попробовал новый прием: стремительный бросок, пропарывающий жесткую грудную клетку, сверху вниз, а потом резкое вращение штыком налево и направо, рассекая жизненно важные органы.

Желтые топоры свистели над его головой. Но теперь уже у дверей скопилась целая куча черных тел, образуя подобие баррикады; пол был скользким от вытекающей жизненной субстанции монстров, поэтому враги с трудом удерживали равновесие. Лэннинг отражал удары и снова разил чудовищ.

За его спиной Барри штыком прикончил одну

из тварей. Вот его оружие отскочило от бронированного тела другой. Тогда он выхватил «люгер» и выстрелил в упор. Но чудовище успело отскочить, обрушить на Барри удар топора и лишь затем упало на него сверху.

Оставшись теперь один против всей орды, Лэннинг резал, колол, рубил и парировал удары. Он уложил одного из монстров поверх баррикады, второго, третьего. И тут его собственные ноги заскользили по слизи. Здоровенная тварь схватила его штык, повернула и отбросила в сторону. Он попытался зарядить ружье. Но черные челюсти вырвали и его. Еще три гиганта свалили его с ног и разбили ружье о его же голову. Он распростерся на полу, жалобно крикнув:

— Летони! Я пытался…

Атакующие победоносно начали карабкаться через пирамиду поверженных товарищей. К нему тянулись страшные челюсти. Он изо всех сил попытался встать, но не смог. Джонбар обречен. А что ждет его самого? Тюремные застенки Сорэйньи?

Внезапное громкое стрекотание пулемета показалось сном. Но тут на него сверху навалилось расчлененное тело врага. Он повернул голову и, в диком изумлении, увидел Эмиля Шорна.

Огромный пруссак не погиб. Его могучее тело было полуголым, израненным, перемазанным кровью. Но он уже снова на ногах, синие глаза горят огнем.

— Хайль, Джонбар! — кричал он. — Хайль, Валгалла!

Он вставил в пулемет новую ленту и устремился вперед, держа орудие в руках, словно винтовку, хотя машина была адски тяжелой даже для такого гиганта. Оставшиеся черные воины приближались к нему, а он встречал их смертоносным ливнем. Так, один за другим, они все свалились бездыханными. Но один из золотых топоров сумел пробиться сквозь баррикаду и вонзился в грудь Эмиля. Хлынула кровь.

Но германец все еще стоял на ногах и поворачивал пулемет во все стороны, поливая огнем. Наконец, патроны кончились, и пулемет выпал из его обессиленных рук. Широко открытыми глазами Эмиль смотрел, как зашатался и упал последний воин Сорэйньи.

— Джонбар! — проревел он. — Ах, Тор!

Подобно массивной мраморной колонне, он рухнул рядом с докрасна раскаленным «максимом». Некоторое время в алом зале Сорэйньи стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь от-

даленными, слабыми отзвуками гонга. Золотые колоссы, стоявшие во всеоружии, триумфально взирали на безжизненное затишье, пришедшее на смену жаркой битвы.

Но остатки жизни еще теплились в теле Лэннинга. Он повернулся и начал отталкивать от себя гигантскую тушу, лежавшую на его ногах. У него внезапно появились силы. Ибо Шорн открыл путь в хранилище. У него еще есть время, пока отступление не будет отрезано.

Но Барри Халлоран сумел подняться первым. Лэннинг был уверен, что тот погиб, погребен под телом обрушившегося на него чудовища. Но потом услышал приглушенный возглас:

— Бей их! Бей… уф… Денни, ты слышишь меня?

— Барри!

И футболист-здоровяк пробился сквозь кучу трупов, его обнаженный торс был залит кровью, как и у Шорна. Он отодвинул чудовище с ног Лэннинга, и тот сумел встать. Его пронзила боль, но в следующий момент Халлоран уже лил огненную жидкость из фляжки Куртни-Фарра на его губы. Он сделал глоток.

— Мы сделали это, Денни?

Лэннинг встал, пошатываясь, как пьяный.

Голова раскалывалась от невыносимой боли. Перед глазами плыли круги. Огромный красный зал вращался во все стороны, и золотые колоссы будто маршировали, защищая алмазный трон Сорэйньи.

— Пойдем! — хриплым севшим голосом с усилием произнес он. — Заберем эту штуку. Вернемся на корабль. До прихода Сорэйньи! Две гранаты — вот и код от дверей хранилища!

Барри Халлоран обнаружил две сбереженные им гранаты и нагнулся, чтобы поднять раскаленный «максим». Лэннинг сказал ему, что все оружие утрачено. Но Барри нашел одно ружье, взял Денниса за руку, и они неловко побежали через притихший малиновый зал.

Путь, пролегавший мимо жутких золотых гигантов и черных мрачных колонн, казался бесконечным. Вот и сверкающий великолепием трон. Они протиснулись мимо неумолкающего огромного гонга и заглянули за трон.

За ним открывалась широкая дверь с аркой, занавешенная черным занавесом. Отведя тяжелые драпировки, они увидели опочивальню королевы. У Лэннинга не было времени разглядывать все тамошние красоты, но он успел заметить сверкающие хрустальные зеркала в оправе из

золота и слоновой кости. Ложе Сорэйньи, выточенное из цельного сапфира невообразимых размеров, убранное шелками, расшитыми драгоценными камнями, сверкало почище трона, ослепляя варварской роскошью. Лэннинг и Халлоран бросились к ложу, оставляя на своем пути кровавый след.

Лэннинг откинул роскошный ковер возле кровати. В полу обнаружилась четкая темная линия, обозначающая границу плотно пригнанного люка, в центре которого был еще один, квадратный, меньшего размера.

Барри Халлоран своим штыком подцепил центральный блок, в то время как Лэннинг вывинтил из гранат взрыватели. Под блоком обнаружилась замочная скважина. Лэннинг высыпал из каждой гранаты по две унции пороха в квадратное углубление и позволил ему провалиться глубже в замок. Он вставил один из взрывателей в замочную скважину, обеспечив безопасность взрыва. Барри подтащил огромный кофр малинового металла, стоявший в изножье кровати, чтобы прикрыть замок и уменьшить разрушения при взрыве. Лэннинг взял ружье и загнал пулю в перкуссионную крышку.

Пол задрожал. Сверкающие обломки кофра

разлетелись по опочивальне. Драгоценности усыпали пол вокруг сапфирового ложа. В том месте, где взорвался плотный лист металла, зияла большая черная дыра. Лэннинг просунул внутрь руку, повозился с болтами и шурупами. И квадратный люк внезапно поднялся, словно кабинка лифта. Халлоран, остолбенев от удивления, опомнился и шагнул туда вслед за Лэннингом. Они спускались в хранилище, не теряя времени даром.

Помещение оказалось огромным и к тому же без окон. Присутствовал лишь слабый дежурный свет, с трудом позволявший разглядеть сокровища Сорэйньи. Но ослепительно сверкали огромные слитки серебра и золота, объемистые таинственные кофры, большие глыбы необработанных синтетических кристаллов, сапфиров, изумрудов, рубинов, алмазов. Были здесь и статуи, и картины, и странные механизмы и инструменты, непонятные изделия, книги и манускрипты — все наследие ее династии. Самыми любопытными оказались высокие хрустальные блоки, в которых, словно насекомые в янтаре, были запечатаны человеческие фигуры, выглядящие как живые — оригиналы золотых колоссов. Значит, здесь не только хранилище, а еще и мавзолей правителей Гирончи.

— Господи! — пробормотал Барри Халлоран, моргая. — Ну и коллекция у старушки! Все это стоит дороже, чем золото того же веса! Да король Мидас позеленел бы от зависти!

Лэннинг стиснул зубы так, что лицо его побелело.

— Я однажды застал ее за коллекционированием! — горестно прошептал он.

Падающая платформа коснулась земли.

— Мы ищем маленький черный кирпичик, — сказал Лэннинг. — Нечто, скрытое под слоем черного цемента, чтобы защитить от поискового луча. — Внезапно содрогнувшись, он обернулся в сторону выхода: — Нам лучше поторопиться. Времени прошло достаточно, а этот гонг разбудил бы и мертвого. Сорэйнья скоро прибудет с подкреплением.

Они начали лихорадочный поиск маленького черного кирпичика, вскрывая кофры с драгоценностями, перетряхивая тюки шелка и мехов. Именно Барри удалось обнаружить маленький черный прямоугольник, лежавший в треснутой керамической миске, словно позабытый всеми в пыльном углу.

— Вот он! — взволнованно выдохнул Лэннинг. — Бежим!

Они снова ступили на платформу. Лэннинг нажал на кнопку внизу у стены, и платформа бесшумно поехала вверх. Дрожащими от благоговейного ужаса, перемазанными кровью руками Халлоран протянул кирпичик Деннису.

— Что бы это могло быть? — прошептал он.

— Понятия не имею, — покачал головой тот. — Прислушайся!

Они уже поднялись в опочивальню королевы. Он услышал отдаленный рокот: похоже, открываются ворота. Далекое бряцанье оружия, а потом звук женского голоса, исполненный ярости. Силы покинули его, каждая клетка тела наполнилась невыносимой болью.

— Сорэйнья! — простонал он. — Она возвращается!

Они вновь ступили на пол и что есть силы побежали через пустынные апартаменты тем же путем, каким добрались сюда. Миновали черный занавес, снова увидели громадный зал золотых статуй, пробрались мимо гонга, выйдя из-за алмазного трона. И тут, стоя возле громыхающего диска, ощутили невыносимое отчаяние.

Ибо зал уже начала заполнять новая орда гигантов Сорэйньи. Впереди них грациозно бежала сама королева воинов, сияющая в блеске своей

красоты, подчеркнутой малиновой кольчугой. Лэннинг повернулся и посмотрел в глаза Барри.

— Она отрезала путь, — проговорил тот одними губами. — Нам не выйти…

Глава 12
Секрет кирпичика

Красные от крови пальцы Лэннинга плотно сомкнулись на тяжелом черном кирпичике — краеугольном камне будущего Джонбара.

— Отлично! — выдохнул он. — Времени достаточно, чтобы… достать ее.

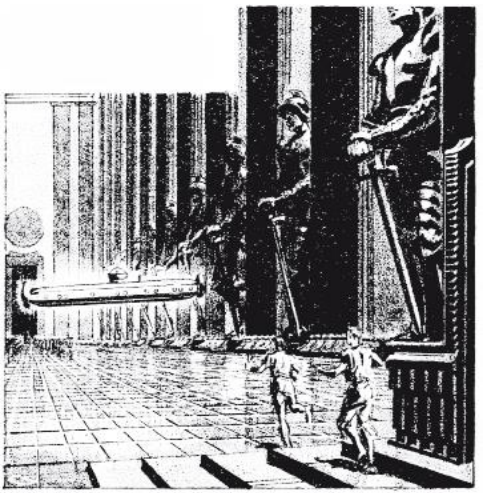
Но в то время, как Барри поднимал «маузер», он успел пожалеть об этих словах. Ибо королева Гирончи, в своем шлеме с черным плюмажем, яркая и ослепительная, была слишком хороша! Настоящий демон! Он закусил тубу и подавил желание снова выхватить оружие.

Ружье выстрелило. Лэннинг с замиранием сердца ждал, что вот сейчас увидит, как падает Сорэйнья. Но это оказался всего лишь один из ее насекомоподобных охранников, зашатавшийся и распростершийся на земле, задрав свои хитиновые конечности.

— Я целился в нее, — пробормотал Барри. — Но они тоже целятся в нас. А она — так прекрасна…

Лэннинг отвернулся. В голове все сильнее стучали безжалостные молоточки. Он лихорадочно

искал какой-либо другой путь на корабль, но его не было. А еще мучительный вопрос Уила Мак-Лэна терзал его, не переставая: может ли какой-либо мужчина убить Сорэйнью?

Но она должна быть уничтожена, так сказал Уил. И Летони говорила ему об этом, много лет назад. Он сам должен выбрать одну из них двоих, обрекая другую на гибель. Его сердце билось уже, казалось, у самого горла; он протянул дрожащую руку:

— Дай мне…

Но ружье только щелкнуло. Магазин опустел. Халлоран бросил его на землю, сцепил пальцы и стоял, угрюмо ожидая своего часа. Лэннинг нагнулся, поднимая оружие. Он шетнул:

— Не позволяй им взять нас…

Но Сорэйнья уже направила в их сторону золотое острие своей шпаги, и тетерь это была уже непросто шпага. Раскаленная голубая искра вылетела навстречу ружью. Лэннинг едва успел отдернуть руку от вмиг ставшего раскаленным оружия, которое взорвалось и слегка парализовало руку. Ее торжествующий голос зазвенел на весь зал:

— Ну, Денни Лэннинг! Значит, ты решил променять мой трон на мою же тюрьму?

Лэннинг моргнул. Сорэйнья и ее телохранители уже на полпути к ним. Он увидел ее лицо, все еще белое от ярости под шлемом, удлиненные зеленые глаза холодны, как лед. Но тут что-то мелькнуло.

Тень. Густое серебристое облако. Оно росло, обретая реальность. Затаив дыхание, Лэннинг смотрел во все глаза, и не мог поверить в подобное. «Хронион»!

Зеленый свет медленно растворялся на поляр-

ных дисках корабля, и вот он уже приземлился прямо напротив трона. Лао Менг Шан, стоя на передней палубе, нацелил «максим» туда, где стояли Сорэйнья и ее воины, а потом упал рядом с пулеметом, ибо тот был неисправен.

Худая согбенная фигура Уила Мак-Лэна показалась в хрустальном куполе, он кивком подзывал их. После первого секундного шока Лэннинг схватил Барри за руку, и они бросились на борт корабля времени.

Сорэйнья издала боевой клич. Размахивая золотой шпагой, она повела гигантов в бой. Пули из их неуклюжих тяжелых ружей барабанили по обшивке «Хрониона». Но башня повернулась, закрыв купол. Желтый луч достиг Лэннинга и Халлорана, унося их внутрь корабля.

Лэннинг заметил слепого морского летчика, Вилли Рэнда, одиноко стоящего на палубе. Но в тот момент, когда он и Халлоран почти бездыханными перевалились через борт, где Шан прикрывал собой бесполезный «максим», Рэнд уже исчез.

— Взгляни, Денни! — закричал Барри Халлоран в немом восхищении, граничащем с ужасом: — Этот чертов слепой придурок!

Он указал на орду Сорэйньи, и Лэннинг уви-

дел, что Вилли Рэнд вышел навстречу им. Низко опустив забинтованную голову, он двигался неровной поступью слепого. Сломанный «маузер» он держал в руках, и ярко надраенный штык блестел на солнце. Черные воины замерли при виде одинокого противника, даже как будто остолбенели. Крик Сорэйньи заставил их шевелиться. Они ощетинили ружья, раздался звук металла. Моряк замешкался, но продолжал идти.

Лэннинг приник к переговорному устройству:

— Уил! Мы можем помочь чем-нибудь?

— Нет, — покачал головой Мак-Лэн в хрустальном куполе. — Это то, чего он хотел. Поступок бессмысленный, но для него он значит так много!

Даже Сорэйнья остановилась. Ее золотое оружие вспыхнуло синим огнем. Вилли Рэнд покачнулся. Его одежда задымилась. Он продолжал двигаться прямо на топоры. Лэннинг упал на колени, чтобы помочь с неисправным пулеметом. Он увидел сверкание штыка, будто направляемого невидящими глазами прямо вглубь черной груди.

Золотые топоры упали…

Но тут Уил Мак-Лэн на мостике повернул сверкающий штурвал, и «Хронион» покинул

зал Сорэйньи, вернувшись в синеву безвременья. Лэннинг прошел через башню, где Даффи Кларк нес дежурство за хрустальным орудием, и присоединился к Уилу внутри купола. Старик в отчаянии схватил его за руку:

— Денни? Ты раздобыл это?

— Да. Но как вас угораздило перехватить нас? И где Баринин?

— Нас обнаружили на площадке, — прошептал ученый беззвучно. — Из-за стены ударил луч гиран. Баринин… Прямое попадание. Он рассыпался на кусочки! — с содроганием произнес он. — Нам пришлось сняться с места. Я повел корабль в будущее, чтобы избежать встречи с их кораблем. Боялся попасть в крепость вместе с кораблем. Раз мы не смогли исследовать ее при помощи поискового луча, существовала опасность коллизии с крупными объектами, и результат мог быть катастрофой. Но ничего другого не оставалось. И вот — мы выиграли. — Он отер пот с изуродованного шрамами лица. — Зал был самым большим помещением. Я это выяснил из своих планов, а также при изучении руин в будущем. Я вычислил расположение. И мы вернулись в то самое место. Но — объект удалось найти?

Лэннинг протянул ему блестящий черный

кирпичик.

— Извлеки его, — попросил старый ученый. — Мы должны обнаружить время и место, откуда его забрали Сорэйнья и Гларат, и не допустить их туда.

Лэннинг оторвал взгляд от маленького кирпичика, лежащего в основании Джонбара. Он встревоженно схватил Мак-Лэна за скрюченную руку:

— Ты думаешь?.. Они догоняют нас?

— Конечно. Для них это вопрос жизни и смерти. И у них есть свой собственный корабль времени. Если они не перехватят нас на пути, значит, точно будут ждать нас на месте. Оно им известно. — Он вернул кирпич Лэннингу. — Может, тебе удастся вскрыть.

Покрытие оказалось твердым, как стекло. Лэннинг осторожно постучал по нему, раскрыл свой перочинный нож, попытался вонзить в покрытие, но затем отложил. Пришлось поработать и стамеской, и молотком. Внутри оказалась толстостенная коробка, набитая ватой. Дрожащими пальцами он извлек толстый кусок ржавого железа в форме буквы «У».

Конечно, он ожидал чего-то гораздо более зрелищного: пожалуй, какого-то впечатляюще-

го документа с заявлением, которое призвано переломить ход истории, либо смертельного оружия, с помощью которого можно расправиться с врагами прогресса. Жутко разочарованный, он протянул вещицу Мак-Лэну.

— Всего лишь обломок железа, — проговорил он. — Старый ржавый магнит, вынутый из магнето-автомобиля «Форд» модели «Т». А мы-то потеряли столько жизней, разыскивая его!

— Это неважно, — прошептал старик. — Имеет значение уже то, что Сорэйнья вынула его из прошлого, чтобы уничтожить целое направление вероятности — и прервать последние геодезические линии Джонбара. А теперь, при помощи хроноскопа, я должен попытаться обнаружить, к какому времени он принадлежит. Затем мы должны вернуть его — если не помешает Сорэйнья! — Он перевел взгляд на Лэннинга: — Но ты совершенно обессилел, Денни. Ты ранен.

Лэннинг едва осознавал, как он измучен. Даже всеохватывающая, разрывающая боль в затылке стала терпимой, как отдаленное и неявное ощущение. Он был сильно удивлен, когда хрустальный купол вдруг потемнел, и он понял, что проваливается в бездну.

Глава 13
Семя будущего

Лэннинг проснулся и обнаружил себя лежащим с забинтованной головой в маленьком лазарете с зелеными стенами. С койки напротив ему улыбался Барри Халлоран. Внезапно появился маленький кокни Даффи Кларк, неся поднос с едой.

— Капит'н Мак-Лэн? — протяжно проговорил он. — Что ж, он тали поглядывает в это свое светящееся устройство, пытается найти, откуда эта чертова баба стащила магнит.

— Удачно? — спросил Лэннинг.

— Еще нет, сор, — он потряс взлохмаченной головой. — Тратит кучу времени, чтобы это найти. А эта баба и ее поганый верховный жрец идут по следу, а в черном корабле уйма этих мерзких муравьев!

— Но мы можем перегнать их, — вмешался Барри Халлоран. — Можем дать им то, что они хотят.

— Я не в курсе, сор! — покачал головой Кларк. — Мы удираем от них, а они не отстают.

Внезапная сонливость охватила Лэннинга. Он

немного поел и снова погрузился в сон. Должно быть, прошло много часов корабельного времени, прежде чем он — внезапно — проснулся, осознавая, что слышит новый звук, кроме гудения реактора. Тарахтел «максим».

Он вскочил с кровати, Барри за ним, и оба выбежали на палубу. Стрельба внезапно остановилась. «Хронион» в полном одиночестве плыл в бездне. Только маленький Даффи Кларк лежал возле орудия, и тело его дымилось, спаленное лучом гиран.

Содрогнувшись, Лэннинг отправился в купол.

— Они поймали нас, — простонал Уил. — И поймают снова. Реактор работает с перегрузкой. Когда решетки изношены, они работают с меньшей эффективностью. Кларк погиб. Осталось четверо.

— Ты обнаружил… что-нибудь?

— Время: после полудня 12 августа 1921 года, — прошептал Мак-Лэн. — На это нас навели прерванные линии Джонбара. А место я обнаружил при помощи поискового луча.

Лэннинг схватил его за руку:

— И где это?

— Небольшая долина в Озарксе, Арканзас. Я покажу тебе решающую сцену.

Мак-Лэн проковылял в металлический кабинет геодезического анализатора. Сломанные пальцы пробежали по клавишам. Хрустальный блок наполнился зеленоватым светом, затем стал прозрачным. Лэннинг наклонился вперед, вперив взор в странное окно вероятности.

Полуразрушенная ферма, окруженная невысокими древними холмами. Убогая лачуга, окно выбито, и крыша покрыта ржавыми листами железа. Гористое пастбище для коров, склоны холмов заросли жесткой несъедобной растительностью. Маленький веснушчатый мальчуган в поношенном комбинезоне и большой дырявой соломенной шляпе с трудом тащит босые ноги вниз по склону в компании, подгоняя двух рыжих пятнистых коров на вечернюю дойку. Рядом трусит тощая желтая собака.

— Понаблюдай за ним, — с волнением произнес Уил.

Лэннинг видел, что мальчишка остановился, науськивая собаку копать землю в поисках кроличьей норы. Присел на корточки, наблюдая за колонией муравьев.

Подпрыгнул, пытаясь поймать яркую бабочку, осторожно рассек ее тельце сломанным перочинным ножом. Неохотно отозвался на крик

неряшливой женщины из домика, снова принялся за коров. Скрюченные пальцы Уила внезапно накрыли ладонь Денниса:

— Вот сейчас!

Мальчик перешагнул через что-то, лежащее под кустом сумаха, и нагнулся, чтобы поднять это. Предмет был плохо различим на хрустальном экране, так что Лэннингу не удалось разобрать, что это. Сцена вышла размытой, словно в механизме произошел сбой.

— Итак? — Лэннинг повернулся к товарищу в великом изумлении. — Какое отношение все это имеет к Джонбару?

— Это был Джон Барр, — беззвучно ответил тот. — Ибо будущий метрополис будет — или может быть — назван в его честь. В 1921 году ему двенадцать, это босой сын фермера-арендатора. Ты видел поворотный момент его жизни — и жизни всего мира.

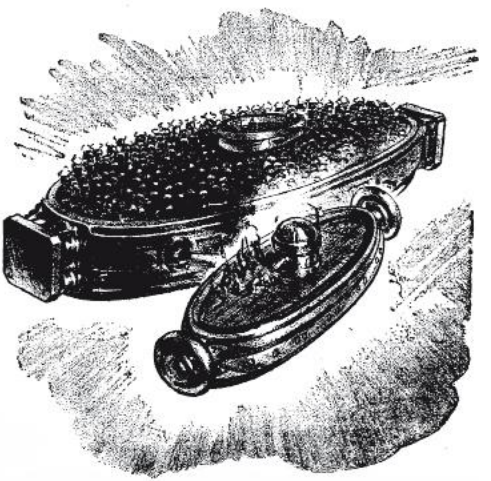
— Но я не понимаю…

— Геодезические линии зависят оттого, какую вещь он поднимет с земли, — прошептал Мак-Лэн. — Либо магнит, обнаруженный нами в цитадели Сорэйньи, либо просто кусочек цветной гальки, лежащий рядом с магнитом. Небольшой выбор, связанный с тем, что Сорэйнья решила

устранить магнит, позволяет выяснить, какой из двух возможных Джонов Барров будет существовать в реальности.

— Всего лишь кусок железа, — протянул Лэннинг.

— Семя Джонбара, — отвечал Уил. — Если он поднимет сломанный магнит, то обнаружит, что его нож загадочным образом притягивается к нему, заметит загадку, связанную с его полюсами. Его это заинтересует, породит всякие теории, эксперименты. Любопытство лишь усилится. В нем проснется ученый.

Он будет учиться, одалживая книжки у учителя в школе, что находится в долине. Наконец, оставит ферму, убежит от властного отца, ворчащего по поводу «книгочетства», станет работать и учиться в колледже. Станет преподавать науку в сельских школах, экспериментатором-любителем.

Временами пламя познания будет затухать в ней, монотонность жизни станет убивать вдохновение. Он женится, обзаведется двоими детьми. Но старая жажда знаний никогда не иссякнет до конца. Наконец, в возрасте пятидесяти пяти лет он снова сбежит — на этот раз от властной жены и несносного зятя, — чтобы продолжить свой научный поиск.

Маленький, лысый, пухленький человечек с мягким характером, мечтательный и непрактичный, он будет трудиться много лет в одиночестве в своем маленьком коттедже в Озарксе. Каждый заработанный цент пойдет на его самодельный прибор. Он часто будет голодать. Однажды сосед обнаружит его умирающим от голода и инфлюэнцы.

Но вот, наконец, в 1980 году, усталый, но торжествующий маленький старичок семидесяти одного года от роду опубликует данные о своем

великом открытии. Динатомические тензоры — вскоре их сократят до «динат». Абсолютно новый закон природы, связующий жизнь и сознание с атомной вероятностью. Я остановился на одной его фазе, относящейся к водородному реактору. Но его тензоры откроют потрясающую новую технологию прямого высвобождения атомной энергии, под контролем человеческой воли.

Широко распространившись в мире, новая наука динат создаст целую новую цивилизацию — несмотря на то, что сам Джон Барр, вечно слишком занятой для материального успеха, будет тихо похоронен в том же году, рядом с маленькой церквушкой в Озарксе. Неограниченная энергия атомов, полностью приручённая, станет основной жизненной силой Джонбара.

Но и это еще не все. Человечество оторвется от земли и воспарит на крыльях, покинув рабские пределы. Динат принесет новые контакты сознания и материи, новые чувства, новые возможности. Постепенно, пока идет время, человечество адаптируется к полному использованию динат.

Голос говорившего наполнился благоговейным трепетом.

— И, наконец, возникнет новая раса людей, называющих себя динон. Прекрасные дети ста-

рого открытия Джона Барра, они будут обладать умениями и энергиями, о которых тот и мечтать не смел…

— Подожди! — прервал его Лэннинг, — Я видел динон! В первый визит Летони, очень давно, в моей комнате в Кембридже, она показала мне в кристалле времени Новый Джонбар. Город величественных сияющих башен. А среди них парят удивительные люди, как будто в чистом пламени!

Уил Мак-Лэн кивнул, его глаза блеснули:

— Я тоже видел Новый Джонбар. И видел обещанное сияние: триумфальный полет динон между звезд, в вечности. И получается, что в этом направлении история человечества бесконечна…

Но в другом направлении…

Он покачал белоснежной головой. В куполе воцарилась тишина. Лэннинг мог слышать ускоряющееся бормотание реактора, двигавшего корабль из туманной синей бездны вероятности к тихой сцене в Озарксе, которую они наблюдали через хрустальный блок. Он видел Лао Менг Шана, чистящего «максим» внизу на палубе, Барри Халлорана с ружьем наизготовку, внимательно вглядывающегося в синеву.

— Если мы не сможем вернуть магнит, то мальчик Джон Барр вместо него поднимет кусочек гальки, и колесо вероятности повернется — как это уже произошло — в сторону Гирончи, — медленно продолжал Уил. — Мальчик сожмет гальку в руке, метнет ее, чтобы убить поющую птичку. Всей его жизни впоследствии будет недоставать некоей искры. Она останется весьма похожей, но при этом станет разительно отличаться.

Джон Барр и в этом воплощении убежит из родительского дома, но станет сезонным работником, кочующим без своего жилья. Он женится на той же женщине, вырастит тех же двоих детей и, в конце концов, оставит их. Та же одаренность, обращенная на те же основные проблемы вероятности, приведет его к изобретению нового устройства для игры, на котором он выиграет и потеряет целое состояние. И умрет он без единого пенни, в том же самом году, и ляжет в ту же могилу.

И теперь секрет ментально высвобождаемой атомной энергии будет открыт девять лет спустя, но с гораздо меньшим контролем, чем это было у Джона Барра. Открывателем его станет некто Ивор Гирос, высланный из страны советский инженер, работающий совместно с буддист-

ским вероотступником. Назвав свой наполовину самодельный секрет гиран, эти двое станут собственнически охранять его, используя его для уничтожения врагов и поддержания легенды о своей непобедимости. Они учредят новую религию фанатиков, создадут новую деспотическую империю. Так возникнет культ гиран и будет заложена темная династия Сорэйньи. Их конец ты уже видел.

— Да, видел!

И по телу Лэннинга пробежала дрожь, когда он припомнил жуткую сцену: все человечество аннигилировано во время финальной войны между жрецами и королями, между гиран и чудовищными созданиями, порожденными им, джунгли, затопившие опустевшую планету, покрывающие проржавевшие обломки цитадели Сорэйньи и разрушенные руины ее храма страха и невежества. Он сжал в руке магнит.

— И, таким образом… все, что мы должны сделать, это вернуть его туда, где Джон Барр сможет его обнаружить?

— Да. И этого достаточно.

Внезапное тарахтение «максима» заставило Лэннинга затаить дыхание. Сжавшись от зловещего предчувствия, Уил показывал куда-то за

спину. Лэннинг повернулся. Рядом с куполом он увидел черные уродливые очертания корабля времени из Гирончи.

— Мы попались! — простонал Мак-Лэн. — Реактор уже сдает…

Он склонил свое скрюченное тело над панелью управления. Но Лэннинг видел, что палубы двух кораблей уже соприкоснулись. Их палубу затопила орда антропоидных муравьев, не обращавших внимание на непрерывно стучащий пулемет. Впереди них с горящей огнем золотой шпагой, великолепная в своей малиново-алой кольчуге, шла Сорэйнья!

Глава 14
Поцелуй Сорэйньи

По телу Лэннинга прошла дрожь.

— Сорэйнья! — дико выпалил Мак-Лэн, как будто произносил клятву. Это дрожащие руки медленно приблизились к маленькому серебряному цилиндрику на шее. В глазах вновь вспыхнула неумирающая ненависть, как всегда при взгляде на королеву воинов. Его губы в белых шрамах скривились в гримасе агонии. Или то была улыбка?

— Зачем, Сорэйнья? — еле слышно произнес он. — Зачем все это?

— Уил! — кричал ему Лэннинг. — Нас берут на абордаж! Можем ли мы улизнуть?

— Уф, — Мак-Лэн рассеянно заморгал, глядя на монстров, как будто видел их впервые. — Боюсь, нет, Денни. — Его худые руки вновь легли на клавиши, но он только покачал головой. — Реактор… уже перегружен…

Толпа черных гигантов, хлынувших на палубу, бросилась к «максиму». Лао Менг Шан встретил их огненным ливнем. Варри Халлоран, стоящий

рядом, с решительной улыбкой сжал в руках штык.

— Бей их! — гудел он. — Остановим это нашествие!

С отстраненной выражением лица маленький китаец не произнес ни звука.

Издав звонкий воинственный клич, Сорэйнья повернулась к башне, сопровождаемая дюжиной воинов. Острие ее золотой шпаги вспыхнуло огнем, указывая на Уила Мак-Лэна внутри купола. А бледное лицо с зелеными глазами исказила такая бешеная ненависть, что Лэннинг просто содрогнулся.

— Она идет! — простонал Мак-Лэн. — Идет за мной!

Лэннинг был уже на лестнице:

— Выйду, встречу ее.

— Я попробую вырваться, если выдержит реактор, — прошептал ему вслед Уил.

Внутри маленькой башни за хрустальной трубой, проецирующей темпоральное поле, Лэннинг вооружился «люгером». Схватил последний «маузер», зарядил его.

Маленькая дверь стонала и скрипела под натиском врага, ибо «Хронион» не был приспособлен для битвы. Вот дверь открылась, и внутрь ворвал-

ся черный гигант.

Лэннинг бросил в дверной проем гранату и подскочил к гиганту со штыком. Едкий запах ядовитых испарений ел глаза. Дикая тварь, взмахнув топором, вырвала кусок штанины вместе с кожей ноги. Лишь третий удар остановил чудовище, и тогда Лэннинг сделал шаг за порог.

Снаружи граната сделала свое дело. Трое черных воинов лежали там, где их настиг взрыв, умирая. Но сама королева стояла невредимая в малиновой кольчуге, а рядом толпились еще восемь гигантов. В глазах ее горел дикий огонь войны, и она отправляла их в бой взмахом золотой шпаги.

— Денни Лэннинг! — ее голос был холоден, словно сталь. — Я предупреждала тебя. Но ты предал Гиронччи и выбрал Джонбар. Так умри же!

У Лэннинга, стоящего в дверях башни, оставался лишь один миг. Он бросил взгляд на Барри и Шана, включившихся в ожесточенную битву вокруг пулемета, сдерживая убийственное нашествие. И услышал голос Барри:

— Бей их! Бей их, ребята!

И он увидел высокий темный борт другого корабля поодаль. И высокого, бледного, как труп, жреца Гларата, стоящего в безопасности на юте.

И еще одну компанию вооруженных гигантов, готовящихся последовать за первой. Его охватила паника. Количество тварей просто ошеломляло…

Но внезапно черный корабль исчез, вместе с Гларатом и остальными воинами. По синей дымке пробежала лишь мелкая рябь. Он понял, что Уил Мак-Лэн повел «Хронион» вперед, в прошлое.

Сорэйнья же со своей свитой все еще оставались на палубе. «Максим» вдруг перестал палить. Шан и Барри были окружены. Атакующие кинулись на Лэннинга, и он ждал их, будучи наготове. Против бронированных тел штык оказался куда эффективнее пуль. Он сражался в той же манере, что и в цитадели.

Стремительный укол, поворот, резкое движение, рассекающее внутренности. Один гигант упал. Другой. Третий. Черные тела, истекающие едкой кислотой, копились перед входом. От вытекающей субстанции пол стал липким. Пуля из малинового ружья вонзилась в пол рядом с ногой Лэннинга. Золотой топор болезненно задел его голову. Тяжелое ружье, которое его владелец вращал, словно прашу, едва не вышибло из него дух. Но он до сих пор находил в себе силы про-

должать бой.

Сорэйнья бегала взад и вперед среди своих воинов, выкрикивая воинственный клич. Ее белое лицо было прекрасным и ужасным одновременно, в зеленых глазах сверкали молнии. Один раз, когда упавший гигант дал ей возможность приблизиться, она сумела-таки прикоснуться острием шпаги к Лэннингу. Зная о смертоносном огне, начинявшем грозное оружие, он отпрянул и выпустил пулю из «люгера» в сторону ее покрытого малиновой кольчугой тела.

Пуля легко отскочила, не причинив ей вреда. А его плечо обожгло, словно огнем. Тело его отлетело к противоположной стене, словно от удара током. Наполовину ослепший, он рвал на себе тлеющую рубаху, однако же, нашел в себе силы вновь повернуться навстречу гигантам.

Оставалось четверо. Его удар достал одного. Еще один упал, встретившись со штыком. И милый его сердцу голос прокричал:

— Бейте их, ребята!

Он заметил, что битва на передней палубе закончена. Огромная груда тел лежала возле «максима». Лао Менг Шан выглядывал из-за баррикады с радостной усмешкой, а Барри Халлоран, весь красный и изукрашенный боевыми

отметинами, с боевым криком шел к нему по палубе. Его выстрел из «люгера» и уложил тварь позади Лэннинга. Он отбросил пустой пистолет и выставил вперед штык.

Лэннинг едва переводил дух, зрение почти отказывало ему, но он продолжал сражаться с двоими оставшимися, защищая вход в башню.

Тут он увидел, что Сорэйнья выступила навстречу Барри Халлорану, услышал ее торжествующий смех. Увидел, как поднялось ружье в обагренных кровью руках Барри: теперь-то он разорвет на куски кольчугу королевы воинов.

— Бей…

Боевой клич Барри превратился в беззвучный крик; он онемел от восхищения. Угрюмая ухмылка воина исчезла с его лица, сменившись неприкрытым восторгом.

— О боже, я не могу…

Штык в его руках задрожал. И королева с ослепительной улыбкой, насмешливо и игриво взмахнула перьями на шлеме и сделала выпад вперед. Золотое острие разгорелось пламенем.

Бросок Лэннинга поймал одного из атакующих. Он рубил, поворачивал штык, вытаскивал его. Отшатнулся от горящего золотого клинка и кинулся на последнего выжившего гиганта.

Но тут взгляд его остановился на Барри и Сорэйнье. С грацией балетной танцовщицы она сделала прыжок вперед, нанесла удар и наклонилась, вынимая шпагу из поверженного тела. Коснулась ею своей обнаженной ладони, поднесла руку к тубам и послала Барри зловещий воздушный поцелуй; пальцы ее были обагрены его же собственной кровью.

Из груди Барри вырвался темный пузырящийся фонтан. Восхищение на его лице сменилось бледной гримасой ненависти. Он попытался поднять ружье, но оно неловко выскользнуло из рук. Глаза его встретились с глазами Денниса, они были темными и широко открытыми, словно у потерявшегося ребенка.

— Денни… — прошептал он. — Убей ее!

И упал замертво у ног Сорэйньи.

Лэннинг постарался обратить внимание на последнего из оставшихся в живых гиганта. Слишком поздно. Золотой топор уже опускался, но оставалась надежда на последний бросок. Падающий топор плашмя задел голову Лэннинга, вызвав волну тошнотворной боли.

Двигаясь словно автомат, его тело само довершило привычную процедуру: укол, поворот, разрубание. А затем он и сам упал рядом с уми-

рающим врагом. Какая-то клеточка его сознания кричала: «Не время успокаиваться! Сорэйнья убьет Уила! И заберет магнит! И Джонбар погибнет!»

Но этот отчаянный голос затонул в пучине отключающегося сознания.

Глава 15
Серебряный цилиндр

Пульсирующая боль терзала голову. Но неотложность цели пробилась сквозь забвение и каким-то чудом подняла его на ноги. Палуба качнулась навстречу, слепящая пелена в глазах застилала обзор. Но тут он увидел, что Лао Менг Шан и Барри лежат среди сраженных гигантов, оба мертвы. Сорэйнья исчезла с палубы, но был слышал ее зловещий металлический голос:

— …долгие поиски, Уил Мак-Лэн. Я благодарна тебе за удовольствие этой охоты. Вспомни, однажды я обещала тебе…

Чудовищно измененный звук донесся из купола, и затем Лэннинг услышал безжалостный смех женщины.

— У тебя есть причины ненавидеть меня, Уил Мак-Лэн. Но ты никогда не сделаешь этого — ибо я знаю, почему ты пришел в Гирончи в тот, первый раз. Другие мужчины пытались убить меня — и это было подобно тому, как мошки летят сквозь огонь, а он лишь опаляет им крылья.

— Посмотрим, Сорэйнья, — пробормотал Лэн-

нинг. — Во имя Барри!

Он двигался неловко, словно проржавевшая машина. Боль бурлила в голове, словно поток раскаленной лавы. Сознание затуманивалось. Конечности словно парализовало.

Но он нашел «маузер», поднял его и, пошатываясь, побрел в башню, которую пытался оборонять. Голос Сорэйньи снова достиг его ушей:

— Ты просто дурак, Уил Мак-Лэн, что привел сюда своих глупых людишек и выставил их против меня. Ибо, раз ты подарил нам секрет времени, гиран в состоянии победить даже смерть. На своей раковине я обшарила все будущее в поисках момента своей смерти. И не нашла такой опасности, которой не смогла бы избежать. Пусть я буду последней в своем роду, но зато я стану жить вечно!

Кое-как взобравшись по лесенке, Лэннинг приблизился к куполу. Уил Мак-Лэн лежал на полу возле сверкающего штурвала. Его изуродованные руки погрузились в лужу его же собственной крови: он силился подняться. Его измученное лицо было обращено к Сорэйнье, его искажала беспомощная и безнадежная ненависть. Свисающий с шеи цилиндр на серебряной цепочке едва не касался кровавой лужи.

Высокая, гибкая, в своей ослепительной малиновой кольчуге, Сорэйнья улыбалась, глядя на Мак-Лэна, и алые капли все еще стекали с ее шпаги. Но тут она услышала неуверенные шаги Лэннинга и быстро повернулась, чтобы перехватить его на верхней площадке. На лице ее застыло изумление.

— Ну, Денни, ты решил попытаться, в то время как сильнейшие потерпели фиаско? — такими словами она приветствовала его.

Ее клинок встретился с его штыком, и посыпались искры.

Она была высокой, почти с Лэннинга ростом, и двигалась с кошачьей грацией. Красная кольчуга облегала каждый изгиб ее тела. Широкие ноздри трепетали, высокая грудь вздымалась. Она атаковала, словно пантера.

Лэннинг парировал ее удар с помощью штыка, неловко ударил сам. Она отклонилась. Штык скользнул по груди, не причинив вреда. А золотое острие больно ужалило плечо Лэннинга.

Его оружие было длиннее и тяжелее. Никакой разницы, уверял он себя, что она женщина, и к тому же прекрасная. Смерть Барри черной змеей грызла его сердце, а еще он видел Мак-Лэна, распростертого в луже крови, тяжело дышащего и

следящего за битвой с горящими глазами.

Но его подстерегала еще большая опасность. Он уже истратил все силы на борьбу против ее гигантов. Сорэйнья же только что со свежими силами вступила в бой. Он видел ее жестокую улыбку, а ружье в руках становилось все тяжелее и тяжелее. Все предметы вокруг слились в бесцветную массу. Сорэйнья была тенью, убить которую нельзя.

Лэннинг даже обрадовался такому превращению: теперь он не мог различить ее красоту и очарование. И он пытался представить на ее месте одного из монстров. И наносил удары в прежнем ритме: бросок, поворот, удар.

Но штык все соскальзывал и соскальзывал с доспехов. И снова ее шпага оставила болезненный след на его руке. С грацией пантеры она отскочила назад и встала прямо, будто насмехаясь над ним, направив в его сторону оружие.

— Нет, Денни Лэннинг! — засмеялась она беззвучно. — Можешь сражаться, если хочешь, только убить меня ты все равно не сможешь. Я прочесала все будущее в поисках часа своей смерти, но его не существует. Я неуязвима!

— Посмотрим! — Лэннинг глубоко вдохнул, тряхнул звенящей головой: — За Барри…

Собрав все остатки сил, он сжал ружье и рванулся вперед. Напрягая каждый мускул, он направил свой блестящий штык ей в грудь, против сердца.

— Денни!

Это был стон предостережения, который сумел издать Уил Мак-Лэн. Золотое острие загорелось, коснувшись его ружья. Из него вырвалось голубое пламя. Ружье выпа-ло из рук Лэннинга. Он застыл на месте, ослепленный и оглохший, ощущая лишь запах дымящейся плоти и озона.

Он заставил себя спрятаться за углом купола и скорчиться, вздрагивая. Невероятным усилием воли унял дрожь в коленях. Сделал глубокий вдох, зажмурился. Увидел, как Сорэйнья скользит вперед, как будто в танце. В рамке золотых волос ее белое лицо сияло улыбкой. Ленивый голос ласково спрашивал:

— Ну, Денни Лэннинг! Кто из нас бессмертный?

В ее зеленых глазах сверкала необузданная звериная радость. Шпага, словно живая, целилась прямо в сердце Лэннинга.

Он бросился на клинок с голой рукой. Ему обожгло запястье. Немного отклонившись, шпага пролетела мимо его плеча, обожгла его тоненькой ниточкой боли, и наткнулась на хрустальную

стену купола позади.

Сорэйнья вытерла кончик шпаги и послала ему кровавый поцелуй, а теперь стояла с улыбкой на губах, ожидая, когда он упадет.

— Ну? — Голос ее был полон неподдельной заботы. — Еще?

И Лэннинг едва удержался на ногах. Купол качнуло. Он с огромным трудом смог сфокусировать взгляд на Уиле. Но уловил слабое движение: руки товарища разорвали тонкую серебряную цепочку и бросили ему цилиндр. И услышал слабеющий голос Уила:

— Сломай его, Денни! Я… не могу!

Сорэйнья почувствовала какое-то движение за спиной. Ее дыхание участилось. Еще один бросок, еще удар золотой шпаги, быстрый, как молния, рядом с сердцем Лэннинга. Даже в своей звериной ярости они прекрасна, подумал он…

Но тут серебряный цилиндр упал к его ногам. В отчаянии, понимая, что, как ни невероятно это звучит, он сейчас должен будет сокрушить победоносную красоту Сорэйньи, он наступил на цилиндрик.

Раздался щелчок. Но Лэннинг не смотрел вниз. Его глаза не отрывались от Сорэйньи. Ее не коснулась ничья рука. Но через мгновение после

того, как он раздавил цилиндрик, она была — повержена.

Сверкающий клинок выпал из ее рук, звякнув об пол, и упал к ногам Лэннинга. Ее улыбка триумфа внезапно застыла, а потом, через долю секунды, ее красоту словно стерли.

Другое лицо королевы было слепым, покрытым жуткими синими язвами. Прекрасные прежде черты лица слились в одну маску ужаса. И затем посреди малиновой кольчуги несколько секунд был виден лишь голый череп.

И Сорэйнья исчезла.

Плетеная кольчуга мгновение хранила очертания ее тела, затем упала на пол со звоном. Шлем с плюмажем из перьев тоже звякнул рядом и покатился.

Лэннинг пытался обернуться на Уила Мак-Лэна за объяснением своей неожиданной победы. Но тут густая темнота навалилась на него с глухим звоном, накатила волна боли, и колени подкосились.

Глава 16
Встреча с судьбой

Лэннинг лежал под стенами хрустального купола. Внизу, под полом, раздавалось отчетливое гудение атомного реактора. В голове все еще продолжались вспышки агонии, все тело представляло собой сплошной сгусток боли. Но, как ни странно, ледяная боль в плече покинула его.

— Денни?

Это был беззвучный стон, вырвавшийся из горла Мак-Лэна, полный мольбы. Лэннинга удивило, что старик перенес атаку Сорэйньи и остался жив. Он поднялся на ноги и обнаружил Уила лежащим все в той же луже крови.

— Уил! Что я могу сделать для тебя?

— Шприц в шкафчике. Четыре кубика. Внутривенно…

Лэннинг доковылял до панели управления, нашел в шкафу шприц для инъекций и маленький пузырек, сделанный из свинца, надписанный: «Динатомическая формула Л-648. Дата наполнения: август 1935 г., Нью-Йорк Сити». Жидкость в шприце светилась зеленоватым светом. Он зака-

тал рукав Мак-Лэна, ввел иглу в локтевую вену и нажал поршень.

Потом осмотрел раны старика. Они уже не кровоточили. Выглядели так, будто он выздоравливал на протяжении нескольких дней, не минут.

— Спасибо, — прошептал Мак-Лэн. — Теперь себе — но только два кубика.

Он лежал на полу, закрыв глаза. Лэннинг сделал инъекцию себе в руку и ощутил, как энергия жизни побежала по венам. Чувства прояснились. Он все еще ощущал смертельную усталость, голова болела, но одновременно с этим с ним происходило нечто непонятное. Примерно такое, как после пробуждения на борту «Хрониона» после воскресения от смерти. Он взял в руки маленький ржавый магнит, лежащий на полу возле опустевших доспехов Сорэйньи.

— Как ты думаешь, мы сможем вернуть его? — спросил он хриплым голосом.

— Если выдержит реактор, — Мак-Лэн с трудом поднялся к штурвалу. — Гларат будет стеречь это место вместе со своим кораблем и монстрами. А тебе придется идти одному. Я доставлю тебя туда, но больше ничего не смогу сделать.

Рокот реактора ускорился, изуродованные руки

быстрее побежали по клавишам.

— А что с Сорэйньей? И цилиндром, который я сломал? — Лэннинг дотронулся до его плеча. — Уил, что с ней произошло?

Старик повернулся. Ухватившись за штурвал обеими руками, чтобы удержаться на ногах, он посмотрел на Лэннинга. Из его глаз ушла ненависть и злоба; теперь в них жила одна боль.

— В серебряном цилиндре заключалась ее жизнь, — прошептал он. — Я носил ее с собой долгие годы. Но никогда не нарушал оболочки.

— Ее жизнь? — Лэннинга снова охватил ужас. — Но ведь ее ничто не коснулось, когда я сломал цилиндр.

— Она была уверена в своем бессмертии, — голос Уила был полон боли и тоски. — Ей не удалось выяснить час своей смерти в будущем. Потому что он был в ее прошлом! В тот год, когда она взошла на трон, в Гирончи свирепствовала Синяя Смерть — чума, порожденная мутировавшим вирусом, случайно выведенным создателями этих муравьев-гигантов. Она-то и убила Сорэйнью.

— Но… — Лэннинг смотрел на него, не понимая. — Как это могло произойти?

— После того, как я покинул темницу Сорэйньи, я понял, как уничтожить ее. Я исследовал

ее прошлое при помощи темпорального луча, чтобы отыскать узел вероятности. И нашел его, в год Синей Смерти.

Понимаешь ли, жрецы гиран сумели приготовить несколько ампул с эффективным антитоксином. Когда Сорэйнья заболела, Гларат кинулся во дворец с последней ампулой лекарства, чтобы спасти ее жизнь. Но если ампула была бы разбита до того, как попадет к ней, то она должна будет умереть. Так что я направил «Хронион» в храм в тот год, когда бушевала чума, и унес ампулу.

— Я понял! — медленно кивнул Лэннинг. — Это вроде того, как был вынесен магнит, чтобы уничтожить Джонбар.

— Не совсем, — возразил Мак-Лэн. — Магнит был унесен в конфликтное будущее Гирончи, так далеко, что его геодезические линии деформировались, и это оказало влияние на жизненный узел, и Джонбар перестал существовать в пятом измерении.

Но я вернул цилиндр обратно в прошлое Сорэйньи. Геодезические линии не прервались и смогли вернуться к началу цикла. Следовательно, пока ампула нетронута, жизнь Сорэйньи была в безопасности. Когда же ты разбрызгал лекарство, вероятность просто исчезла.

— Но если… — Лэнниг просто потерял на минуту дар речи. — Если бы Сорэйнья умерла в юности, что бы случилось с ней как с королевой? С той женщиной, что заключила тебя в тюрьму, охотилась за мной, командовала легионом — значит, она никогда не существовала?

Мак-Лэн туманно улыбнулся при виде его изумления.

— Вспомни, мы ведь имеем дело с чистой вероятностью. Новые физики изгнали из мира абсолютную точность. Джонбар и Гирончи, две Сорэйньи, живая и мертвая, суть всего лишь конфликтующие ветви вероятности, пока еще не зафиксированные в пятом измерении. Разбивание ампулы всего лишь изменило вероятностные факторы, уничтожившие возможную жизнь Сорэйньи.

В его потускневших глазах стояли слезы. Он перевел взгляд на блестящую кучку доспехов, пустой шлем и золотую шпагу.

— Но для меня она была реальной, — прошептал он. — Даже слишком.

— А эти раны? Как их могла нанести несуществующая женщина?

— Когда они наносились, женщина еще существовала. Было потрачено много атомной

энергии темпорального поля, чтобы наши вероятности совпали с ее. Но ты увидишь, что теперь они исчезают с фантастической быстротой.

Он перевел погасшие глаза на Лэннинга.

— Помни одно, Денни: логические законы причины и следствия все еще действуют жестко — но убрано одно звено. Абсолютная последовательность событий в пятом измерении не параллельна времени — хотя нам, в нашем трехмерном мире, кажется, что так оно и есть. Но неразрушаемая прогрессия есть неизменное обрамление Вселенной.

Его скрюченные пальцы тронули ржавый магнит в руке Лэннинга.

— Поступь этой прогрессии мощнее, чем время, и она уничтожила сегодняшнюю Сорэйнью как королеву.

Последовательность событий еще не установила судьбы Джонбара и Гирончи. Но пока счет в пользу Гирончи.

Он сжал руку Лэннинга трясущимися тонкими пальцами.

— Последний бой уже не за горами, — выдохнул он. — Надежда — вероятность существования Джонбара — полностью зависит от тебя, Денни. И исход этой битвы будет навсегда запечатлен в

пятом измерении.

Он повернул штурвал.

И «Хронион» понесся вперед, пока на табло не загорелись цифры: 5:29 после полудня, 12 августа 1921 года. Мак-Лэн поднял руку, предостерегая:

— Будь наготове, Денни! Они уже ждут.

Денни стоял, вглядываясь в пляшущие сполохи времени. Сам не зная почему, он прибег к странной уловке: чтобы отвлечь внимание, он натянул на себя малиновые доспехи Сорэйньи. Плюмаж из черных перьев украшал теперь его голову; к тому же от него исходил приторный, немного ядовитый запах ее духов. Он взял и ее шпагу, но, видимо, что-то случилось: синий луч больше не появлялся. Лэннинг также бережно взял с собой магнит, который должен возвратиться на место.

В течение всего времени ожидания в его измученном мозгу крутилась одна парадоксальная мысль: несмотря на то что они обогнали корабль Гларата в пути, никакая скорость не позволит им первыми прийти к цели. Как только гудение реактора смолкло, он сжал в руке шпагу и гордо выпрямился в чужой кольчуге.

И «Хронион» вновь вынырнул из синей бездны в тихую долину в забытом Богом Озарксе. Все выглядело точно так, как Лэннинг увидел в свер-

кающем блоке хроноскопа: скучающий паренек в лохмотьях, погоняющий коров вниз по склону холма к ферме-развалюхе, и тощая желтая собака бежит рядом с ним.

Все выглядело так же — за исключением мрачной громады корабля из Гирончи, приземлившегося рядом с тропой. Из квадратных отверстий били уродливые лучи гиран. Отряды воинов-гигантов покинули корабль и выстраивали оцепление вокруг того места, куда должен был вернуться магнит.

Юный лоботряс, посвистывая, приближался к необходимому месту, и утке был ярдах в двадцати от него, но никак не реагировал на корабль или монстров. Одна из пятнистых коров между тем прошла через гиганта. Мак-Лэн прошептал Лэннингу, стоящему наготове на палубе:

— Не думай, юный Джон Барр никого из нас не увидит — если только мы не повернем к нему темпоральное поле. Ибо жизнь его уже почти полностью зафиксирована заданной прогрессией в пятом измерении. В условиях его опыта мы не более чем бестелесные фантомы вероятности. Путешествующие назад во времени Moiyr воздействовать на прошлое лишь в тщательно выбранных точках, да и то — ценой затрат

неимоверного количества энергии, необходимой для преодоления вероятностной инерции целого континуума. Гларат и Сорэйнья потратили столько атомной энергии, что ее хватило бы на разрушение целых континентов — всего лишь чтобы убрать магнит с тропинки Джона Барра.

Схватив магнит и шпагу, Лэннинг ступил на землю. Он взобрался на камень, упал на колени, неловко встал на ноги и что было сил помчался к кораблю времени и вооруженной толпе монстров перед бездельничающим мальчишкой.

На бегу он вытянул вперед руку со шпагой в традиционном жесте Сорэйньи. Гларат на капитанском мостике помахал рукой в черной латной перчатке в знак приветствия. Но затем, обратив внимание на тяжелую поступь Лэннинга, не имеющую ничего общего с грацией королевы воинов, черный жрец несколько насторожился. Начал отдавать команды резким голосом. Оцепление из гигантов ощетинилось топорами и ружьями. И черная туба выдвинулась из отверстия.

От первого взрыва скала позади Лэннинга вздрогнула. Полетели брызги гранита. Брызги расплавленного камня отскакивали от кольчуги. Один кусок ударил его по щеке, вызвав жгучую боль, ослепив дымом, исходящим от его же соб-

ственной тлеющей плоти.

А мальчик тем временем уже вошел в кольцо черных воинов, и холодное отчаяние охватило Лэннинга. Спустя всего несколько секунд Джон Барр поднимет кусочек гальки вместо магнита, и судьба двух миров решится навсегда.

Отмахиваясь от едкого белого дыма, Лэннинг судорожно вдохнул и рванулся вперед что есть сил. Еще один взрыв превратил почву в горячую лаву прямо за его спиной. Он был слишком близко, чтобы смертоносный луч мог достать его, но впереди ждала стена врагов.

Алые ружья приближались, в него полетели пули. Но они отскакивали от кольчуги. Но незащищенным местам все же угрожала опасность, и пуля повредила челюсть и шею. Жуткая боль скрутила мышцы. Алая кровь потекла на малиновый металл доспехов. Он выплюнул сгустки крови вместе со сломанными зубами и продолжил бег.

Гигантские насекомые подняли топоры. Он взмахнул шпагой Сорэйньи им навстречу. На мгновение ему почудилось, будто твари замешкались при виде оружия их королевы. Но тут Гларат выкрикнул новую команду, и они снова кинулись в бой.

Золотые лезвия только крошились о его кольчугу. Он вонзил шпагу в грудную клетку монстра. В этот момент мощный удар ружьем вывел из строя его руку. Она повисла плетью в кольчужном рукаве. Он зажал магнит под мышкой, поближе к телу, и кинулся вперед.

На него обрушился град ударов. Неведомая сила пробила шлем и чуть не достигла черепа. А лезвие топора нанесло глубокую рану в шею. Кровь хлынула на доспехи, рука бессильно повисла.

Но прежний страх перед хозяйкой удерживал гигантов от касания ее кольчуги и шлема. Так что Лэнниг, пусть весь израненный и сбитый с ног, смог добраться к тому месту, которое они охраняли.

Он увидел оборванного мальчика, с ленивым посвистыванием проходящего мимо гигантов, бегущую за ним голодную собаку. Увидел блестящую гальку, а рядом с ней — треугольный отпечаток на земле, где прежде лежал магнит, в двух шагах от мальчика. Еще секунда, и…

Тот он упал. Вместе с алой струей из раны на шее из него вытекала жизненная сила. Еще один безжалостный удар рубанул его по плечу, так что рука с магнитом онемела, и он распростерся по земле.

От невыносимой боли глаза заволокла пелена. Но, падая, он увидел (или только подумал, что видит) удивительную фигуру. Голова незнакомца была окружена сверкающим ореолом. Он смотрел на Лэннинга, и от тела исходил мелодичный звон, как будто от соприкосновения с невидимыми частичками. Мягкий голос зазвучал в мозгу:

— Смелее, Денни Лэннинг!

И человек исчез.

Лэннинг знал, что это был один из динон, отдаленных потомков из Джонбара. Один взгляд на него как будто облегчил боль и вернул жизнь в слабеющее тело. Но тут Гларат выкрикнул новую команду. Когорта гигантов понеслась на Лэннинга. А мальчишка уже склонился над галькой.

Лэннинг швырнул свое тело вперед, и его здоровая рука выбросила магнит. По руке чиркнуло лезвие топора. Безгласные монстры снова бросили его на землю. Но магнит, повинуясь последним остаткам силы в его руке, упал точно в свой же отпечаток на земле.

В глазах скучающего парнишки загорелось неподдельное любопытство — будущий свет науки. Жадные пальцы потянулись к куску металла. А зловонные монстры, навалившиеся на беспомощное тело Лэннинга, вдруг исчезли куда-то.

Черный корабль сверкнул, обратился в тень и тоже растворился в небытии.

Джон Барр поднял магнит и присвистнул от удивления, заметив железную стружку, приставшую к нему. Он стал спускаться с холма, погоняя своих пятнистых коров сквозь невидимый «Хронион».

Деннис Лэннинг остался в одиночестве лежать возле тропы. Он знал, что умирает. Но сквозь терзавшую его боль пробивались победные нотки: Джонбар победил.

Его тускнеющие глаза обратились к «Хронио-ну». Он еще надеялся, хотя и сам в это не верил, что Уил Мак-Лэн придет за ним до того, как смерть заберет его к себе. Но корабль времени вспыхнул и исчез. А он остался лежать один-одинешенек на освещенном закатным солнцем холме.

Глава 17
Миры, которых никогда не было

ОН ЗНАЛ, ЧТО это всего лишь сон, но Летони продолжала стоять рядом с ним. Высокая и стройная, в том же самом белом платье, с огромным кристаллом времени, зажатым в руках.

— Спасибо тебе, Денни Лэннинг, — ее низкий голос дрожал и срывался. — Я приношу тебе благодарность от имени всего Джонбара, ибо ты сделал то, на что никто больше оказался не способен.

Лэннинг пытался бороться с ледяным холодом, стиснувшим его тело, и не смог выдавить ни слова. Потом увидел ее фиолетовые глаза, наполненные слезами, услышал рыдания в ее голосе:

— Не умирай, Денни! Вернись ко мне, в Джонбар!

Он боролся с могильным холодом и не отвечал ей. А потом она исчезла, словно волшебный сон. Он знал, что умирает на холме в Озаркse и никого нет рядом.

Но потом пришел другой сон, не менее фантастический. Он решил, что снова находится в

кровати в маленьком корабельном лазарете на «Хронионе». Ловкие и умелые хирурги из Джонбара долгое время ухаживали за ним в короткие промежутки между периодами сна. Их потрясающее искусство вернуло его тело к жизни.

Это должно было быть сном. Ибо Вилли Рэнд сидел напротив него на кровати, и глаза его были абсолютно зрячими. Вилли Рэнд! Ведь он был изрублен на куски, когда, одинокий и незрячий, ринулся в безнадежную битву против антропоидных муравьев возле алмазного трона Сорэйньи. Сейчас же он пускал кольца дыма, наблюдая за ними со счастливым видом.

— Как делишки, капитан Лэннинг? Сигаретку?

Онемев от изумления, Лэннинг машинально потянулся за сигаретой. В руке, которая пострадала в битве, не ощущалось вообще никакой боли! Он снова пошевелил пальцами, не веря, что это правда, и уставился на Вилли Рэнда.

— Что произошло? — потребовал он ответа. — Я был уверен, что ты ослеп, а потом погиб. И полагал, что…

— Все верно, кэп, — Рэнд выпустил белое облачко, ухмыляясь сквозь дымовую завесу. — Считайте, все мы умерли дважды. Но теперь нас собрали заново — всех, кроме бедного старины

Мак-Лэна.

— Но… — Лэннинг всматривался в дымовое облако, словно перед ним была синяя бездна за стенами хрустального купола. — Как же…

Тут он услышал шаги по лесенке. С палубы спускались Барри Халлоран и здоровенный, как бык, Эмиль Шорн, и в руках их были носилки. За ними следовали двое хирургов из Джонбара; третий катил столик с инструментами. Они бережно уложили забинтованное тело на кровать. Лэннинг успел заметить блеск шприца и мягкое свечение, исходящее от пузырька.

— Маленький английский матросик, Даффи Кларк, — пояснил ему Вилли. — Чуть не потеряли его. Выпал за борт, как вам известно, по пути назад и чуть не канул посреди времени и вероятностей. Много дней потеряли, чтобы распутать геодезические линии. Его сжег гиран — та самая адская штука, что выжгла мне глаза. Но я полагаю, медики поставят его на ноги.

Лэннинг сидел на кровати, чувствуя себя не очень уверенно. Тут его заметил Барри Халлоран. Барри, старина Барри, снова живой! Его краснощекое веснушчатое лицо озарила радостная гримаса:

— Денни, старичок! — он схватил друга за ру-

ку. — Совсем немного времени прошло, и ты ожил!

— Скажи мне, Барри! — Лэннинг наклонился к нему, чувствуя, как теплится в нем надежда. — Как все это случилось? И сможем ли мы… Сможем ли… — Он сглотнул, и его страждущие глаза буквально впились в добродушную физиономию Барри. — Мы сможем вернуться в Джонбар?

Болезненная тень стерла с лица Барри улыбку.

— Уил сделал это, — сказал он. — Последнее, что он сделал. Он оставил тебя там, куда ты вернул магнит, и повел «Хронион» обратно в Джонбар. И умер, когда долетел дотуда — умер до того, как энергия наших друзей смогла вернуть его к жизни.

И здоровяк-полузащитник на минуту отвернулся.

— Уил знал, что его время сочтено, — продолжил он прерывающимся голосом. — Он установил автоматы для того, чтобы посадить «Хронион» при возвращении в Джонбар. За нами прислали этих докторов, чтобы транспортировать нас и снова воскресить. Это была настоящая охота — сквозь всю эту мешанину геодезических линий…

— А Летони? — взволнованно прошептал Лэннинг. — Сможем ли мы…

— Ах! — раздался приветственный бас Эмиля Шорна. Он стиснул пальцы Лэннинга своей медвежьей лапой. — Йа, Денни! Джонбар — это Валхалла! Здесь люди погибают в сражении — и снова сражаются, и снова погибают! И Сорэйнья… — Он прервал свою речь, охваченный благоговейным трепетом. — Это красная королева войны! Ах, валькирия! Воинственная дева, ужасная и прекрасная! Никто в Джонбаре не любит ее, нет!

— Джонбар? — Лэннинг осмелился задать свой вопрос снова. — Мы летим туда?

— Ах, йа! В нашем собственном времени — всем нам капут. Но дер херрен доктора найдут для нас место у себя. Мы вновь сможем сражаться за Джонбар. — Его лицо просияло. — Ах, хайль, Валхалла!

Лэннинг стоял на палубе, снова и снова ощущая радостное возбуждение от той силы в заново собранном теле, когда «Хронион» вновь вынырнул из тумана времени в чистом небе над Джонбаром.

Мягкий солнечный свет тихого весеннего утра ласкал высокие серебристые башни. Радостные толпы горожан высыпали отовсюду: из зеленых парков, с широких виадуков и садов, опоясываю-

щих башни, чтобы приветствовать «Хронион».

Поврежденный маленький корабль времени медленно дрейфовал над их головами. Люди из прошлого, целы и невредимы, вот только форма на них была старая, изношенная и потертая — собрались на палубе, радостно размахивая руками.

Весь легион вместе — и все снова живы! Шорн, и Рэнд, и Даффи Кларк, смуглый испанец Кресто и мрачный Баринин, а также ухмыляющийся Лао Менг Шан. Два сутулых канадца, Исаак и Израэль Эндерсы, плечом к плечу. Куртни-Фарр, и Эрик фон Арнет, и Барри Халлоран. И юркий маленький Жан Кверард, вскочивший на борт и с риском для жизни произносящий речь в пространство.

Вот только сверкающий штурвал был теперь в руках джонбарского ученого. В стене выглядевшей по-прежнему башни была открыта большая дверь. «Хронион» устремился вниз и приземлился на платформу в огромном ангаре, где уже ждала шумная толпа. Жан ходил гоголем и бил себя в грудь кулаком. Балансируя на бортике, он жестом призвал к тишине.

— Се бон, — начал он. — Се тре бон.

Весь дрожа от нетерпения, Лэннинг соскользнул вниз, в толпу. Нашел подъемник. Поднялся наверх. Вот он уже в знакомом саду на террасе,

где они обедали с Летони.

Посреди благоухающей диковинными цветами аллеи он остановился, чтобы перевести дух. Взгляд его упал на широкие зеленые парки, обрамляющие берега полноводной реки на добрую милю вперед. И тут ему на глаза попалось нечто, отчего в сердце его будто всадили болезненную иглу.

Ибо он понял, что эта широкая река, по сути, та же самая река, что протекала через Гирончи. На месте утлых деревушек возвышались высокие башни. И самая высокая стояла на том же холме, что и мрачная черная башня гиран.

Но где же другой холм, на котором высилась алая цитадель Сорэйньи?

У него перехватило дыхание, когда он понял, что холм тот же самый, на котором находится башня Летони. Его руки вцепились в перила, он посмотрел на маленький столик, где сидел вместе с Летони в страшную ночь разрушения Джонбара. Ибо Сорэйнья, великолепная в своей золотой раковине, вновь поднималась, чтобы посмеяться над ним, как это уже было в ту ночь. Слезы застилали его глаза, и внезапная боль пронзила остановившееся сердце.

О прекрасная Сорэйнья… мертва!

Легонько скрипнула дверь среди кустов, и чуть слышный голос радостно окликнул его. Лэннинг медленно огляделся. И его охватило непомерное изумление.

Летони бежала к нему через цветы. В ее фиолетовых глазах стояли слезы, лицо озаряла улыбка невероятного восхищения. Лэннинг вздрогнул, поднимаясь ей навстречу.

Ибо золотой голос королевы воинов слышался в ее оклике. И призрак Сорэйньи стоял в ее сияющих глазах. На ней даже было облегающее одеяние из алого сверкающего металла, подобное кольчуге Сорэйньи.

Она упала в его дрожащие объятия.

— Денни… — счастливо вздохнула она. — Наконец-то мы… одни.

Его новый мир повернулся. Цитадель Сорэйньи стояла на том же холме. Но ни Джонбар, ни Гирончи никогда не существовали. Расходящиеся дороги вероятности, возникающие из одной точки, теперь слились в одну реальность. Летони и Сорэйньи…

— Да, моя дорогая, — и он соединил их обеих в своем сердце, ласково выдохнув: — Одни!